

Александр
Тамоников

Черный город

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК

СПЕЦНАЗ

ЭКСМО

Александр Александрович Тамоников

Черный город

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=629205
Черный город / Александр Тамоников: Эксмо; М.; 2013
ISBN 978-5-699-67689-7

Аннотация

Страшной выдалась первая неделя нового, 1995 года в Грозном. Только что практически уничтожена мотострелковая бригада, которую бездумно кинули 31 декабря штурмовать город. Дудаевцы уже трубят победу и во всеуслышание заявляют о массовой сдаче в плен российских военнослужащих... Но это – лишь хорошая мина при плохой игре. Сепаратисты ничего не могут поделать с батальоном 137-го гвардейского парашютно-десантного полка под командованием подполковника Голубятникова. Десантура грудью встала на пути боевиков, обороняя привокзальную площадь, – и полна решимости стоять здесь до конца. Потому что десант не сдаётся. А Батальон Мужества – тем более...

Ранее книга выходила под названием «Они поклялись победить».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Тамоников

Черный город

Подвигу личного состава 137-го гвардейского парашютно-десантного полка посвящается.

Автор благодарит Героя России подполковника ВДВ Голубятникова Святослава Николаевича за помощь в создании книги.

Глава 1

*Грозный, привокзальная площадь,
3 января 1995 года, вторник.*

Плацдарм у вокзала, удерживаемый личным составом третьего усиленного батальона 137-го гвардейского парашютно-десантного полка.

Рассвело. Командир батальона подполковник Голубятников, приведя себя в порядок, подошел к окну; осторожно, дабы не стать мишенью для вражеского снайпера, выглянул на улицу. Находившийся рядом начальник штаба батальона спросил:

– Что там, командир?

– Хреново там, Серега, – ответил Голубятников. – Мокрый снег, на земле грязь, легкий туман.

– Погодка шепчет?

– Шепчет... Черт бы ее побрал вместе с этой бестолковой войной!

В раму ударила пуля.

Голубятников отшатнулся от окна:

– Мать твою! Как же достали эти снайперы... – Обернулся к связисту, приказав: – Вызови-ка мне ротных!

Позывной комбата изменился, поэтому связист, включив радиостанцию Р-159 с «историком» – прибором, позволяющим засекретить переговоры, бросил в эфир:

– Стрела-10! Вызывает Аркан!

Первым ответил командир разведывательной роты, занимавшей наиболее удаленный от КНП батальона 5-этажный дом, капитан Телинский:

– Аркан, я – Выюга!

– Доложи обстановку! – потребовал Голубятников.

– Обстановка по-прежнему стабильно напряженная. Здание практически непрерывно обстреливается снайперами.

– Откуда бьют духи?

– Да отовсюду, за исключением, пожалуй, южного направления, вокзала, железнодорожных путей. Оттуда соседи нас прикрыли надежно.

– Потери?

– С нашей стороны – нет. Со стороны противника подтвержденных три снайпера. Одного завалили в доме напротив – я имею в виду восточный сектор, двоих – в здании северного сектора.

– Настроение личного состава?

– Боевое! Да, мне только что доложили, что в районе соседнего квартала замечено передвижение небольших, до десяти человек, групп. Что это за группы, неизвестно. Мои ребята зафиксировали три таких. Рассмотреть их мешает туман, но уверен, что это не беженцы.

– Духи подтягивают силы?

– Похоже на то.

– Продолжай наблюдение! – приказал Голубятников. – В случае проявления противника, независимо от его количества, открывать огонь на поражение.

– Есть!

Примерно такие же доклады прошли и от командиров 7-й роты, занявшей здание строящегося вокзала, 8-й, дислоцирующейся вокруг КНП – бывшего Управления вокзалов, 9-й парашютно-десантной роты, находившейся в пятиэтажке северо-восточнее командно-наблюдательного пункта батальона. Штатный командир артиллерийской батареи САО-2С9 «Нона» доложил о готовности подразделения поддержать огнем орудий действия батальона. Из докладов ротных Голубятников отметил, что все они сообщили о появлении мелких групп противника. Это могло означать одно: чеченцы готовят какую-то пакость. И как бы в подтверждение вывода комбата с улицы, а точнее, с северной части плацдарма донесся крик:

– Эй, русские! Хватит воевать! Мы защищаем свою землю, за что воюете вы? Зачем гибнут ваши солдаты? Сдавайтесь! Война закончилась. Вы проиграли. Вас всех подставили. Сдавайтесь, и мы отпустим всех домой, в Россию, к семьям. Не сдадитесь – уничтожим! Будем резать, как баранов. Видели, что осталось от тех, кто пришел к вокзалу перед Новым годом? То же самое будет с вами. Сдавайтесь, иначе смерть!

– Пропел петух! – проговорил Кувшинин. – И не надоело им орать одно и то же?

Голубятников посмотрел на начальника штаба:

– Видно, не надоело. Упертые.

И приказал командиру разведывательной роты дать пару очередей в сторону, откуда, используя мегафон, кричал неизвестный оратор.

Телинский выполнил приказ: разведчики обстреляли из автоматов близлежащие здания. Стреляли вслепую, не целясь. Таким был ответ на предложения и угрозы боевиков.

Через триплекс, снятый с одной из боевых машин десанта, Голубятников осмотрел подходы к плацдарму, проговорил:

– А душки-то сбиваются в стаю...

– На каком-то одном направлении? – спросил начальник штаба.

– Да нет, с трех сторон. И это то, что видно. В частных секторах что-либо рассмотреть сложно. Но наверняка и там полно духов.

– Думаешь, предпримут попытку атаки?

– Хрен их знает. Но ничего хорошего ждать не приходится.

И тут же здание КНП вздрогнуло от разрывов. Стреляли из гранатометов. С потолка посыпалась штукатурка. Голубятников взглянул на начальника штаба:

– Огневая подготовка. – Повернулся к связисту: – Связь с Селиным! Быстро!

Рядовой вызвал командира артиллерийской батареи.

– Я – Байкал! – ответил Селин.

– Аркан! Позиции батальона подвергнуты массированному гранатометному обстрелу. Необходима огневая поддержка!

– Понял! Корректировщику необходимо передать координаты целей.

– Передаст!

Отключив связь, Голубятников обратился к офицеру-артиллеристу, корректировщику огня самоходной батареи, указав на закодированный план местности:

– «Ноны» должны накрыть площади в квадрате 251-2, 4, 7 – и в серединочку, ближе к правому углу!

Лейтенант-артиллерист кивнул и вызвал командира батареи:

– Байкал! Координаты целей – квадрат 251 по улитке, 2, 4, 7, а также сектор участка 9 ближе к правому углу, к «пятерке»!

Вскоре со стороны парка имени Ленина, где дислоцировалась артбатарея, ухнули «Ноны», и практически тут же на всей территории, непосредственно прилегающей к захваченному десантниками плацдарму, начали рваться мины. Гранатометный обстрел прекратился. Замолчали и САО. Но недолго длилось это молчание. До Голубятникова донеслись крики «Аллах акбар», и хрупкую недолгую тишину площади разорвали пулеметно-автоматные очереди. И тут же прошли доклады командиров рот: боевики начали атаку. В результате вражеского обстрела роты потери не понесли. Голубятников подтвердил ранее отданный приказ:

– Стрела-10, огонь из всех видов вооружения. Внимание! Огонь вести прицельно и только по обнаруженным целям! Уничтожать все, что приблизится к позициям!

Роты вступили в бой. Комбат приказал вызвать на связь заместителя командира дивизии.

– Аркан! Я – Титан! – ответил полковник Павленко.

– Я – Аркан! Докладываю: в 8.10 противник после обычных угроз провел гранатометную атаку позиций рот. Артбатарея накрыла наиболее опасные сектора в квадрате 251.

– Слышал, как били твои «Ноны». Потери от гранатометного обстрела?

– Потерь нет, по крайней мере убитыми. О раненых также докладов не поступало, но они будут. Бесследно обстрелы не проходят.

– Дальше?

– В 8.25, прекратив обстрел и выдержав паузу, духи пошли в атаку. Наступают с трех направлений – с севера, запада, востока. Батальон держит оборону.

– Я понял тебя, Аркан. Помощь требуется?

– А у вас есть чем существенно усилить батальон?

– Держись!

– Держусь! В 11.00 я должен был прибыть на командный пункт дивизии. В связи с изменившейся обстановкой сделать это не смогу. Если духи пошли на штурм, одной атакой они не ограничатся.

– Принял! Решай проблемы, исходя из складывающейся обстановки. Пока у тебя одна задача – удерживать плацдарм. И вряд ли в ближайшие сутки она изменится.

Передав гарнитуру радиостанции связисту, Голубятников спросил у начальника штаба:

– Ну, что там у нас на этом чертовом плацдарме?

– Разведка атакована с севера, – доложил Кувшинин. – Ребята Телинского отбили атаку. На роту Боревица вышла группировка рыл в тридцать.

– Откуда вышла?

– Из района северо-западного сектора частных домов – точнее, того, что от них осталось. Духов поддерживают пулеметно-гранатометная огневая точка и с десятков стрелков из соседнего слева дома. Боревичу помогают ребята Стрельцова. Пулемет из ангара не дает духам выйти к водонапорной башне и развернуть атаку. Стрельцов доложил, что часть сил роты переместил в правое от нас двухэтажное здание, чтобы иметь возможность оказать поддержку и 9-й роте, и 7-й.

– Кстати, а что происходит у Кошерева?

– 7-я рота атакована группой боевиков примерной численностью 20–25 человек. Духи в ходе атаки продолжают активно использовать гранатометы, как РПГ-7, так и «Мухи».

– Откуда наступает противник?

– Со стороны восточного частного сектора и соседнего квартала.

– Ясно! Значит, артналет особого ущерба чеченам не нанес?

– Кто знает, командир? Очевидно, что штурм плацдарма изначально в штабе Дудаева планировался, а вот какие силы были брошены на нас, неизвестно. Думаю, позже ситуация прояснится.

– Видно, Дудаев решил всерьез заняться нами... Ну, что ж, посмотрим, насколько это у него получится.

– Да не получится у него ни хрена.

– Конечно, не получится, – улыбнулся Голубятников. – Это ему не пехоту из засады жечь.

Первый взвод 7-й роты старшего лейтенанта Лихолетова занимал позиции на первом этаже недостроенного нового вокзала Грозного. Точнее, само здание было поднято, оставалась внутренняя и внешняя отделка, но работам помешала война. Утренний штурм нового вокзала начинался, как и общая атака духов, с криков чеченцев, предлагавших десантникам сдаться. Боевики обещали пропустить роту к парку Ленина даже с оружием, но солдаты и офицеры уже знали цену таким обещаниям. На предложение сепаратистов ответили огнем автоматов. Гранатометный обстрел, хоть и велся достаточно массированно, но ни потерь не нанес, ни паники среди солдат не вызвал. Поэтому и первая атака боевиков после обстрела сразу же захлебнулась. И в этом была немалая заслуга рядовых Шохина и Артюшина.

Командир взвода определил друзьям позицию на правом фланге здания. Шохин получил пулемет ПКМ. В ходе штурма привокзальной площади десантникам удалось захватить большое количество трофейного оружия, в том числе пулеметы ПКМ, снайперские винтовки СВД, гранатометы РПГ-7 и «Мухи», автоматические гранатометы АГС. После выполнения всех поставленных боевых задач батальон Голубятникова сдал по ведомости 147 единиц трофейного оружия. Артюшин, кроме штатного АКС-74, вооружился «Мухой». Замаскировав огневую точку строительным мусором, бойцы внимательно отслеживали ситуацию. Шохин увидел боевика, вышедшего к окраине частных домов. Позвал Артюшина, который курил, присев на корточки в углу небольшой комнаты:

– Муха! Дух нарисовался! На окраине частных домов.

Артюшин спокойно, выпустив к потолку несколько колец дыма, поинтересовался:

– Че делает этот дух?

– У него рупор!

– Чего?

– Рупор! Ну, труба такая, конусная. Чтобы базар далеко слышен был.

– Ну, всади ему очередь в этот рупор. А заодно и в пасть, пока орать не начал.

– Нельзя! – ответил Шохин. И повысил голос, взглянув на Артюшина: – Ты че, траву, что ли, куришь?

– Откуда?

– Хрен тебя знает! Говорю, дух объявился, а он сидит балдеет, как в чипке на выходной за кружкой пива.

– Так сказал же, всади в него очередь. Приказ какой был? Валить всех, кто войдет в сектор ответственности роты.

– Умный, да? Ну, завалю я этого духа и заодно позицию обнаружу! И подкинут чечены нам сюда пару выстрелов из РПГ.

– А от меня-то ты чего хочешь? Видишь духа, не хочешь валить, так любуйся им. Слушай, что базарить будет. Хотя их звездех дебильный уже достал. Долбят одно и то же! Сдавайтесь, или на куски порежем. Че звездить? Иди сюда с тесаком, поглядим, кто кому кишки выпустит.

С улицы донесся мужской голос с заметным кавказским акцентом:

– Русские! Война кончился. Вы хороший воин, хороший солдат. Мы уважаем воин. Зачем бесполезно воевать? Зачем умирать? Нас много, и это наша земля. Мы свободный народ, вы свободный народ. Уходите и живите у себя как хотите. Мы будем жить здесь по нашим законам. Всем хорошо! Зачем драться? У вас дома матери, жены, невесты. Идите к ним. Я бригадный генерал, обещаю: если согласитесь уйти, то пропустим вас. Идите в парк, идите дальше. Уходите с оружием. Иначе... иначе вы все останетесь здесь, и ваши трупы будут жрать голодные собаки. Вы этого хотите? Командир! Зачем губишь свой солдат? Уходи! Живи! Зачем подыхать? Я даю три минуты на размышления. Уже много солдат и офицер ушли из города. Вам не говорят об этом. Но это так! Всем будет лучше, если вы уйдете! Война кончилась. Три минуты. Потом или жизнь, или смерть! Три минуты!

Где-то со второго или третьего этажа прогремели автоматные очереди.

Артюшин взглянул на Шохина:

– Наши с ходу ответ дали и без трех минут размышлений. Но ты понял, Толян, кто базарил? Бригадный генерал. Это тебе не халам-балам.

Шохин усмехнулся:

– Да у них каждый второй – генерал. Соберет банду рыл в пятьдесят и вешает себе генерала.

– Не-е, генерал это, генерал.

– Да ладно тебе! Вот наши – это генералы. А этот – чмо опущенное.

– Может, стоит его завалить? Давай я из автомата одиночным его сниму?!

– Не снимешь. За дом ушел.

– Козел! Чего молчал?

– Кто козел? Ты кого козлом назвал?!

– Ну, не тебя же. Понятно, архара, что базарил в рупор.

– А...

В комнату из коридора вошел командир 7-й роты капитан Кошеров. Бойцы поднялись, приняв положение «смирно». Ротный махнул рукой:

– Вольно! Расслабьтесь... пока. Слышали, что дух кричал?

– Слыхали, – ответил Артюшин. – А Шохин, тот даже видел этого казбека.

– Это правда? – взглянул ротный на Шохина.

– Так точно! Дух орал из двора третьего справа дома, укрывшись за деревом. Я хотел его снять, но потом решил, не стоит.

– Почему?

– Потому что если выстрелил, то обнаружил бы позицию.

Кошеров улыбнулся:

– Верное решение. Взводный посадил вас здесь не случайно. И пулеметом с гранатометом вооружил. Под вами – вход в подвал. Из подвала можно выйти практически в любое помещение. Что это означает, объяснять надо?

– Никак нет! – откликнулся Шохин.

– Духи подождут три минуты, а потом пойдут в атаку. Их в частном секторе полно. Видели рыл двадцать, но реально может быть гораздо больше. И им кровь из носу надо выбить нас с площади...

В это время здание содрогнулось от разрывов гранат. Боевики, выдержав паузу, начали гранатометный обстрел. Комнату сразу же заволокло пылью и гарью.

– Ну вот и началось! – сказал капитан. – Сначала обстрел, потом штурм. Смотрите, мужики, на вас лежит большая ответственность, вы любой ценой не должны допустить проникновения бандитов в подвал. Допустите – много ребят может полечь на этом вокзале. Ясно?

– Так точно, товарищ капитан! – ответили солдаты в один голос.

- Ну и молодцы. Я наверх. Помните, что сказал. Удачи!
- Ротный ушел. Шохин взглянул на Артюшина:
- Понял? А ты говоришь...
- Чего я говорю?
- Ничего! К окну. На позицию!
- А че ты раскомандовался? Тебя что, старшим здесь назначили?
- Назначили!
- Кто?
- Хер в кожаном пальто! У меня пулемет, значит, я старший, а ты второй номер. И не будем делить должности. Задачу надо выполнять.
- Ладно, старший. А про подвал взводный не говорил...
- Да какая теперь разница?
- Водки бы, а, Толян? Для куража! Как раньше, на войне водку перед боем давали.
- Без водки, чую, весело будет...
- Это точно!
- Бойцы заняли позицию у замаскированного окна. Гранатометный обстрел не утихал.
- И бьют, шакалы, откуда-то рядом, – проговорил Артюшин, – и ни одного стрелка не видать. Хотя...
- Он напрягся.
- Ты чего? – спросил Шохин.
- Есть, Толян! Вижу духа с трубой.
- Где?
- Дом, откуда базарил ихний генерал, третий?
- Да!
- Гляди правее, за забором в кустах. Ну? Видишь?
- Шохин разглядел молодого чеченца, поднявшего на плечо противотанковый гранатомет, проговорил:
- Вижу!
- И тут же дал в гранатометчика короткую очередь. Десантник стрелял метко. Две пули ударили боевику в голову – в переносицу и в лоб, отбросив тело к дереву. Тот успел нажать на спуск, но задрал гранатомет вверх, и выстрел РПГ-7 ушел в небо.
- Есть! – заорал Шохин. – Дострелялся, сука! Как я его, Миха?
- Ответить Артюшин не успел: прямо над головами солдат прошла автоматная очередь, выпущенная из частного сектора. Солдаты пригнулись.
- Вот сучары, засекли-таки позицию, – процедил Шохин.
- И вновь Артюшин проявил удивительную способность в критической ситуации фиксировать все, что происходило вне позиции. А возможно, только в критической ситуации у него настолько обострялось данное качество.
- Из того же третьего дома, со второго слева окна, по нам дали очередь. Бородач с зеленой повязкой на черепе, – сказал он, лежа на полу.
- Точно?
- Точнее не бывает!
- Так какого хера ты сидишь? Наверняка бородач в хате один, а если нет, то тем более.
- Чего тем более?
- Тебе «Муху» за каким чертом дали? Жги этот дом, пока духи командованию своему о нас не сообщили.
- А! Так это мы мигом!
- Давай, Миха! Давай!

Артюшин быстро подготовил переносной одноразовый гранатомет к бою. Поднялся, вскинув телескопическую трубу с поднятым прицелом. Выстрелил. Выстрел «Мухи», войдя в открытое окно, взорвался внутри небольшого дома. Здание вздрогнуло, из всех окон наружу ударило пламя. Крыша обрушилась, дом загорелся. Отбросив трубу, Артюшин присел рядом с Шохиным:

– Разнес хату! Если в ней кто-то был, то уже греется в аду. Но если еще кто-то из духов видел, откуда рванули дом, то совсем скоро, через считанные секунды, и мы с тобой отправимся на небеса.

– Не хотелось бы...

– А куда денешься?

– В коридор?

– Не успеем!

– Если б не болтали, то успели бы.

– Теперь точно не успеем!

Но ответного выстрела из гранатомета не последовало. Напротив, грохот стрельбы как внезапно начался, так внезапно и прекратился.

Артюшин посмотрел на Шохина:

– Живем, Толик?

– Живем!

– Нет, все-таки как я эту хату поднял на воздух!..

– Лихо! Но и я гранатометчика приземлил с короткой очереди.

– И ты лихо! Лихие мы пацаны, да, Толян? Десантура!

В помещение буквально ворвался командир взвода старший лейтенант Лихолетов:

– Чего сидим? Духи в атаку пошли!

Тут же этажом выше прогремел взрыв. Лихолетов сплюнул на бетонный пол:

– Твою мать! Опять бьют из гранатометов. – И приказал бойцам: – Быстро на позицию! Задачу вам ротный довел, я приказываю стоять до конца. До последнего патрона держать оборону.

– Мы легкоуязвимы, – сказал Шохин. – Если духи будут прорываться в подвал, то комнату над входом в него обязательно прострелят из «Мухи» или РПГ.

– Вы в здании не одни. Да и соседи, что стоят на юге, поддержат огнем, так что ни с фланга, ни с тыла вокзал не обойти. Гранатометчиков будут снайперы обстреливать. Держитесь, парни. Помните, что вы в Батальоне мужества служите!

– И все же, товарищ старший лейтенант, в подвал надо хоть отделение спустить...

– Где б его, свободное, еще взять. Но вы выполняйте свою задачу, об остальном не думайте.

– Патронов подбросили бы...

– Позже! Все, держитесь, десант!

– Держимся.

Взводный быстро ушел в лабиринт коридоров здания нового вокзала.

– Куда ж мы денемся! – добавил Шохин и повернулся к Артюшину: – Ну, чего моргалы вылупил? На позицию!

– На себя посмотри.

– Да ладно, Миха, не обижайся. Нервы...

– Тоже мне барышня, а еще в контрактники податься хотел. С твоими нервами только коров пасти.

– А я бы сейчас не отказался где-нибудь под Рязанью, у Оки, стадо коров пасти!

– Сейчас бы никто не отказался. И те, кто с нервами, и те, кто без них...

По окну ударила очередь. Несколько пуль попало в стену напротив окна.

– На позицию, Миха! – крикнул Шохин. – Я стреляю, ты молчишь; я перезаряжаю, ты стреляешь!

– Понял!

Друзья заняли позицию обороны. И вовремя. Трое боевиков, один из которых нес на плече гранатомет, находились уже в десяти метрах от входа в подвал, в «мертвой» для остальных бойцов роты зоне. Или они не имели информации о фланговой позиции десантников, или считали, что бойцы уничтожены, или вкололи столько героина, что напрочь потеряли страх и способность адекватно воспринимать реальность, но шли они к зданию открыто, не прячась.

– Гляди, Толян! – хмыкнул Артюшин. – Вконец оборзели архары. Как по Арбату идут, не спеша...

– Не хрен им на Арбате делать. И здесь тоже. Обдолбились, гады ползучие, а за кайф, – Анатолий прицелился, – надо что? Платить!

Двумя короткими очередями он срезал троицу боевиков. В шести метрах от входа в подвал. Из кустов появились еще двое бандитов. Они подняли автоматы, но в это время по восточному частному сектору ударила артиллерийская батарея. Это был последний сектор артналета самоходных орудий, поэтому обстрел совпал с началом атаки сепаратистов позиций 7-й роты. Бандиты исчезли: то ли попали под осколочно-фугасные мины, то ли свалили по-скорому в укрытия. Но исчезли ненадолго. Как только артналет закончился, бандиты появились вновь. И было их уже семь человек. Видимо, об огневой точке Шохина и Артюшина их не успели предупредить, так как подходили к дому они не таясь. Анатолий открыл огонь из пулемета до того, как боевики увидели трупы своих братьев. Пятерых Шохин снял сразу, двое залегли. Анатолий крикнул Артюшину:

– Бей по духам, Миха, не дай поднять гранатомет! Иначе нам хана!

Артюшин ударил из автомата. У Шохина закончились патроны в ленте, и он быстро сменил ее. Неизвестно, сколько продолжалась бы эта дуэль, – оставшиеся в живых боевики укрылись за кучами строительного мусора, – но сверху вниз полетел какой-то предмет, и между позиций чеченцев прогремел взрыв; осколки чуть было не заделли Артюшина. Кто-то из своих бросил в бандитов гранату Ф-1, один из осколков которой обжег щеку Анатолию. Тот схватился за лицо, откатившись от окна. Сквозь пальцы проступила кровь. Артюшин мотнул головой – от разрыва заложило уши, – крикнул:

– Толик, ты чего? Ранен?

– Да не ори ты, царапина, – пробурчал Шохин.

Но слегка контуженный, Артюшин не услышал ответ друга:

– Чего? Не слышу?

Закричал и Шохин:

– Уши промой да зенки раскрой. Царапнуло меня осколком, понял?

– А! Понял! Давай перевяжу!

– Обойдусь! Ты в окно смотри, держи оборону.

– Понял!

Артюшин осторожно выглянул из окна. И его вдруг накрыла тишина, лишь где-то восточнее и севернее что-то ухало. То ли артиллерия стреляла, то ли взрывались снаряды. Но далеко. Он обернулся к Шохину:

– Толик! На улице, в натуре, тихо или я ни хрена после разрыва гранаты не слышу?

– Тебя что, контузило?

– Наверное! В уши словно свинца залили. И башка заболела. Боль по вискам бьет.

– Тихо на улице. Рядом с нами тихо. Но ты все равно гляди в окно. Духи могут и без стрельбы, ползком подвалить.

– Я смотрю. Никого. Воронка метрах в двадцати; дальше штук пять, нет, шесть трупов. О, блин, один шевельнулся. На бок перевернулся. Видно, тоже раненый... Вот же сука!

– Чего там?

– Ранен, а к «Мухе» тянется! Никак по нам, козел, решил долбануть.

– Вали его!

– Угу! Сейчас! Это мы легко.

Артюшин выстрелил, боевик уткнулся разбитой головой в грязь.

– Есть, падла! Хрен тебе, а не «Муха»!.. Больше вроде никого.

Шохин, наспех обработав неглубокую рану, крикнул:

– Держи сектор!

– Держу.

От подвальной двери неожиданно раздался голос командира отделения сержанта Беденко:

– Все пока, братва! Отвалили духи.

– А ты откуда взялся? – крикнул сержанту Шохин. – И подошел неслышно, как кошка...

– Лихолетов к вам послал!

Артюшин обернулся и очень громко воскликнул:

– О, Беда! Ты че приперся?

– Ты чего орешь?

– Да слышит он хреново после разрыва гранаты, – объяснил Шохин. – Кстати, ты не в курсе, что за чудило ее нам чуть ли не под окно бросил?

Сержант шмыгнул носом:

– Да если бы не граната, духи вас из «Мухи» сожгли бы.

– Так... Ты, что ли, сподобился?!

– Ну, я... С третьего этажа. Видел, как вы приземлили пятерых казбеков, а двое укрылись. Ваши пули не доставали их. А бородач один «Муху» готовил. Ну, я и бросил гранату, как раз между ними. А то что близко к зданию, уж тут не моя вина, вы сами подпустили абреков.

– И что, обязательно было «эфку» бросать? У тебя РГД не было?

– РГД были, времени не было. Вот и бросил то, что с пояса, не глядя снял. Медлить нельзя было. Так что не наезжай, а готовься водкой поить, как вернемся. Вместе с Артюшиным. Я же вам жизни спас.

– Ага! Спас! Чудом не завалил, бесяра...

– Ты как с сержантом разговариваешь?!

– Да шел бы ты, Паша! Лычками в Рязани козырять будешь.

Беденко вздохнул:

– В Рязани... До Рязани дожить надо. Что, судя по тому, как складывается ситуация, будет ой как непросто.

Шохин усмехнулся:

– И где ты слов-то таких умных нахватался, Паша. Ситуация... складывается... От Лихолетова, что ли?

– Я командир отделения, мне положено.

Он прикурил сигарету, с удовольствием затянулся, мечтательно сощутив глаза:

– А в Рязани сейчас хорошо. Праздники. Морозец, снежок – не то что эта слякоть чеченская; девочки в шубках, сапожках да шапочках по городу шарятся... Молоденькие, красивые. Дискотеки. Никакой тебе войны... Нет, пацаны, будь моя воля, полжизни бы отдал, чтобы дней этак на десять в Рязань свалить. Или домой, в Белгород. Там еще лучше.

– Да не трави ты душу, – вздохнул Шохин. – Будет тебе и Рязань, и Белгород, и дискотеки с девочками. Если в цинке домой не отправят с орденом Мужества на кителе.

- Ладно, пошел я...
- А чего приходил?
- Так передать, что духи отошли и в ближайшее время атак их не предвидится.
- Ты вот что, передай взводному, чтобы санинструктор прислал. У меня со щекой-то ерунда, а вот Артюшина посмотреть надо. Как он, полуглухой, контуженный, воевать будет?
- Передам. Только менять-то его нечем. И так народу не хватает, а недавно Гришаню подранило.
- Серьезно?
- В ногу. Пуля кость перебила. В тыл готовят отправить. Промедолом из аптечки боль на время сняли – так то на время, не будем же его на наркоте держать. А если не обезболить, Гришаня на стенку полезет... Но я твою просьбу взводному передам.
- Давай! Если духи вновь попрут, сигнал какой подайте, что ли. А то неудобно у окна торчать. Да и под снайпера попасть легко можно.
- Ладно, скажу Лихолетову. Держись, братва, ушел.
- Счастливо, да поменьше мечтай. Подыхать обидно будет.
- А я не собираюсь подыхать.
- Те, что на площади валяются, тоже не собирались...
- Так то – духи. Им положено.
- Сержант ушел. Артюшин, повернувшись, спросил Шохина:
- Чего приходил сержант?
- Передать, что духи отошли, – крикнул Анатолий. – Так что можешь и ты отойти от окна. Присядь вон у стены напротив да из аптечки прими чего-нибудь.
- Чего?
- Ну, хотя бы обезболивающую капсулу.
- А может, сразу промедолчик вколоть? И боль пройдет, и кайф поймаю...
- Кайф нам духи подкинут.
- Это точно. Да... попали мы, Толян, по полной программе. Одно успокаивает: пехотинцам, что сюда до Нового года пришли, гораздо хуже было. Прикинь, а если бы вместо них нас к этому чертову вокзалу бросили?
- Не хрена прикидывать. У каждого свое место. И судьба своя. А тебя, может, в тыл отправят. Я попросил, чтобы медиков прислали. Пусть посмотрят.
- Зачем? Никуда я не пойду! Вместе пришли, вместе и драться будем. В падлу мне уходить, Толян. Ладно пулю в жизненно важный орган словил бы, а контузия – мелочь. Мне бы только боль сняли, а слух вернется. Такое уже было. На полигоне в оцеплении минометчики положили свои блины чуть ли не под ноги. Тогда кровь из ушей пошла. И ничего, прошло. Не помнишь, что ли? Хотя ты тогда в другой роте служил. Хрень эта контузия. Руки автомат держат, глаза духов видят. Что еще надо? Не уйду!
- Ротный или взводный прикажут – уйдешь!
- Если прикажут, другой базар, но ты будешь виноват в том, что меня уберут отсюда. И жалеть потом.
- Лучше пожалею, но зная, что ты по крайней мере, пока мы здесь оборонять плацдарм будем, живой и в безопасном месте.
- В натуре, что ли?
- В арматуре!
- Ладно, братан, живы будем, не помрем. И все будет ништяк!
- Артюшин присел к стене, отложив автомат в сторону. Прикурил сигарету, но тут же выбросил ее. Дым вызвал приступ тошноты. Он тихо выругался:
- Твою мать! Этого кайфа мне только и не хватало... – И он потянулся к карману, где лежала боевая аптечка.

Штурм боевиков прекратился одновременно на всех направлениях. Руководивший обороной плацдарма подполковник Голубятников, как только стихла канонада, приказал связисту вызвать по связи всех ротных, чьи подразделения удерживали объекты. Из докладов командиров рот следовало, что первый яростный штурм подразделения отбили, понеся минимальные потери в раненых. Боевики отошли. Голубятников приказал и далее держать оборону, уничтожая всех, кто войдет в зону ответственности батальона. После чего распорядился связать его с заместителем командира дивизии.

– Титан на связи! – ответил полковник Павленко.

– Я – Аркан! Докладываю. После проведения массированного гранатометного обстрела занимаемых нами объектов боевики пошли на штурм с трех направлений. Силами личного состава парашютно-десантных и разведывательной рот при огневой поддержке артиллерийской батареи атаки противника отбиты. Духи отошли в глубь контролируемой ими территории.

– Каковы потери батальона?

– По предварительным данным, у нас трое раненых, один контуженый. Убитых нет.

– Слава богу, что убитых нет. Потери боевиков?

– Трудно сказать. Трупов много, есть и раненые. Ориентировочно, нами уничтожено как минимум тридцать-сорок боевиков, раненых человек двадцать.

– Чечены своих не добивали?

– Нет! Кого смогли, вытащили. Кого нет, те лежат в грязи, мы их не трогаем. Уточненные данные, если позволит обстановка, в штаб передаст майор Кувшинин.

– Думаешь, духи повторят попытку штурма?

– Уверен! Мы им здесь как кость в горле, и боевики предпримут все возможное, чтобы сбить нас с позиций, освободить плацдарм. Во, опять какой-то придурок в мегафон начал кричать, чтобы мы сдавались.

– Пусть орут что угодно. Значит, на данный момент обстановка у тебя успокоилась?

– Если не считать снайперов. Те продолжают обстрел зданий. Огонь стал слабее, но он ведется. Соответственно, мы отвечаем тем же. А в остальном, да, обстановка нормализовалась. Вопрос, надолго ли?

– Ну, у Дудаева силы тоже небезграничны.

– Мне нужна вода.

– Вода?

– Да. Для местных жителей, что укрылись в подвалах занятых нами объектов. Если кормить их мы еще худо-бедно в состоянии, то воды не хватает.

– Я тебя понял, – ответил Павленко. – Попробуем что-нибудь придумать. С водой начинаются серьезные проблемы. Водопроводная система повреждена, восстановить ее, сам понимаешь, в настоящих условиях невозможно, да и нечем. Но будем думать. У тебя все?

– Да!

– Конец связи!

Голубятников передал гарнитуру Р-159 штабному связисту. Присел на табурет перед столом, на котором был разложен план города, пододвинул к себе консервную банку, заменившую пепельницу. Выпустив струю дыма, взглянул на сидевшего напротив начальника штаба:

– И чего, Серега, нам ждать дальше?

– Очередного штурма, командир! – ответил Кувшинин.

– Это понятно. Какими силами духи проведут очередной штурм? И каков у них резерв? Этого не знает даже разведуправление. Хорошо Дудаев подготовился к войне, грамотно. Говорил, тяжело нам здесь придется. Кое-кто не верил. Впрочем, эти «кое-кто» остались

дома. Ну и хрен с ними. Ты вот что, давай-ка, пока тихо, уточни данные по потерям, нашим и духов. Последних пересчитать, насколько это возможно. Приблизительно. Данные передать в штаб дивизии.

– Есть, командир!

Начальник штаба пошел было к связисту, но тот сам обратился к комбату:

– Товарищ подполковник, вас капитан Телинский вызывает.

– Что это там у разведки? Вьюга! Я – Аркан!

– Аркан! Я – Вьюга. У нас гость!

– Что за гость?

– Парламентер.

– Даже так! Чеченец?

– Нет, наш. Солдат. В руках палка с белой тряпкой. Снайперы замолчали.

– Прекратить огонь! Парламентера ко мне!

– Есть! Я передам его через Рыбака.

– С чего бы это духи решили пойти на переговоры? – спросил Кувшинин.

– Наверное, надоело орать с улицы.

– Своего выслали?

– Нашего. Видимо, пленного. Я с ним разберусь, а ты занимайся потерями!

Голубятников вызвал начальника связи батальона капитана Башина и приказал быстро приготовить обед для парламента.

На КНП зашел сержант сводного взвода охраны, собранного из личного состава подразделений обеспечения южнее вокзала, в районе железнодорожных путей:

– Товарищ подполковник, рядовой Синицын, разрешите обратиться? С вами желает поговорить мужик из местных, что прячутся в подвале. Просил передать просьбу принять его.

– Хорошо. Но позже. Сейчас я занят. Освобожусь, приму!

– Разрешите идти?

– Иди!

Солдат удалился. А вскоре сержант девятой роты ввел в помещение командно-наблюдательного пункта батальона худощавого парнишку лет девятнадцати, в грязном, оборванном бушлате и помятой шапке без кокарды. Единственное, что было чистым в его форме, так это обувь – ее заставили почистить. Палку с тряпкой он держал в посиневшей от холода руке. Выглядел солдат неважно. Лицо осунулось, небрит, в глазах – пустота. Под глазами неестественные мешки.

– Да брось ты свой флаг, снимай бушлат и садись к столу! – сказал Голубятников.

– А вы и будете командир группировки, что обороняет привокзальную площадь?

– Я и буду командир группировки.

– Хорошо. Мне приказано разговаривать только с главным командиром.

– Кем приказано?

– Командиром боевиков, что удерживают нас.

– Ты присаживайся, присаживайся.

Солдат сбросил бушлат, сел на табурет.

– Кто ты? Представься! – спросил Голубятников.

– Рядовой Иванченко, служил в мотострелковом батальоне стрелком. В батальоне, что чеченцы разгромили здесь, на площади, перед Новым годом. Попал в плен.

– И много вас в плену?

– Тридцать человек.

– Офицеры есть?

– Так точно. Пятеро.

- Много среди пленных раненых?
- Больше половины. Двое тяжелых, капитан и сержант.
- Как с вами обращаются чечены?
- Извините, товарищ подполковник, у вас закурить не будет? – попросил Иванченко. Комбат пододвинул рядовому пачку и зажигалку:
- Забирай, кури.

Солдат прикурил сигарету, с жадностью в несколько затяжек выкурил ее, взял вторую, ответил:

- Общаются нормально. Не издеваются. Скучно, но кормят. Регулярно. С водой хуже.
- С чем пришел?
- Старший чеченец приказал узнать, кто вы такие.

Голубятников усмехнулся:

- Что, до сих пор не понял, с кем воюет?
- Нет. Говорил, на пехоту вы не похожи, воюете по-другому.
- Десантники мы, солдат.
- Ясно!

Вошел капитан Башин, доложил:

- Товарищ подполковник, обед для парламентаря готов.
- Есть будешь? – взглянул Голубятников на солдата.
- Не откажусь!

– Неси обед! – распорядился комбат. Спросил у солдата: – Кто старший боевиков? Как его имя?

– Не знаю. Он не представился. Говорил, что бывший офицер бывшей Советской армии.

– Сколько у этого бывшего офицера подчиненных?

– Я видел человек семьдесят, не меньше. А сколько на самом деле, – солдат пожал плечами, – не знаю. Их в каждом доме полно.

– Как они вооружены?

– До зубов. У каждого пистолет, автомат или пулемет, гранатомет или огнемет. Патронов много, гранат. Скажите, товарищ подполковник, как так получилось, что у чеченцев оказалось столько оружия?

– Это вопрос не ко мне... Сколько времени тебе дали на переговоры?

– Полчаса.

Солдат-связист принес обед. Солдат жадно и быстро управился с ним, выпил две кружки чаю.

– Ты можешь остаться, – сказал Голубятников. – Я передам тебя в тыл, оттуда, скорее всего, отправят домой.

Солдат отрицательно покачал головой:

– Не могу я остаться. Не вернусь – старший чечен обещал пятерых пленных казнить.

Командир батальона внимательно посмотрел на щуплого солдата. Тот мог сохранить свою жизнь, остаться и быть отправленным домой или в часть, откуда прибыл сюда. Но он отказывается, прекрасно понимая, что в плену его могут расстрелять в любой момент. Взбесятся чечены или получают приказ сверху – и все, молодая жизнь, не успев начаться, оборвется. Но солдат отказывается. Потому что, если он не вернется, погибнут его товарищи. Вот таков он, русский солдат. Вчерашний пацан, а сейчас герой. Он и в плену остается русским солдатом. И отговаривать его не имеет смысла.

Голубятников взглянул на часы:

- Тебе пора возвращаться, раз решил уйти.
- Так точно.

– Старшему духу передай, что привокзальную площадь обороняют десантники. И сколько бы боевики ни орали и ни грозили, мы отсюда не уйдем. Сколько бы ни обстреливали, ни штурмовали, позиций своих не оставим. У нас есть все для того, чтобы не только обороняться. Насчет пленных особо передай: хоть одного расстреляют, я лично сверну ему шею. А еще тем, кто у нас в плену. Как говорится, зуб за зуб. А у нас их соплеменников тоже много. Понял?

– Так точно!

– И держи хвост пистолетом, солдат. Недолго вам находиться в плену. Ступай, тебя проводят!

– Одна просьба, товарищ подполковник. У меня с собой три письма. Отправите?

– Как ты их вынес? Тебя не обыскивали?

– Нет...

– Написали, что в плену?

– Я – да, двое других – не знаю. А что? Могут не пропустить почту?

– Не стоило писать об этом. Хотя, с другой стороны, кто знает... Давай свои письма, отправим. Дойдут до адресатов.

– Спасибо вам, товарищ подполковник!

– Не за что. Удачи тебе, солдат!

– Спасибо! Вы держитесь, духи бесятся. Потери несут большие.

– Мы еще придем за вами, а сейчас ступай. Да поможет бог тебе и всем пленным!

Сержант 9-й роты увел парламентаря. К столу подсел начальник штаба:

– Может, ты зря сказал о нас? Что площадь обороняют десантники?

– Не зря. Пусть знают, с кем имеют дело.

– О парламентаре в штаб полка сообщать будешь?

– Да. Ты уточнил потери?

– Уточнил и сбросил информацию в штаб дивизии.

– Сколько точно у нас раненых?

– Четверо.

– Считая контуженого?

– Нет, с контуженым пятеро.

– Эвакуировать будем всех?

– Троих. Остальные в состоянии продолжать бой.

– Это так медики решили?

– И медики, и сами бойцы.

– Значит, отказались покинуть позиции?

– Так точно! Нашим пацанам памятник ставить надо.

– Поставят еще. Если позже власти не заявят, что войны никакой и не было. Просто навели конституционный порядок, и все. А власти на это способны. По крайней мере действующие... Ладно, что говорить. Надоела эта бестолковость. – Голубятников повернулся к связисту: – Соедини меня с Титаном!

– Титан на связи, товарищ подполковник.

Командир батальона подошел к столу связиста:

– Титан! Я – Аркан!

– Да, Аркан.

– У меня был парламентар...

Голубятников доложил суть переговоров с пленным солдатом. Полковник, выслушав комбата, спросил:

– Значит, духи не могли въехать, кто долбит их отряды на привокзальной площади?

– Так точно! Но теперь знают, что имеют дело с десантурой.

- И бросят на тебя дополнительные силы.
- Если они у духов есть.
- Есть, Слава, есть! А вот у нас – нет. Ждем подхода войск, но когда они подойдут, неизвестно. Духи встречают наши части на марше.
- Мне это очень хорошо известно. А что у нас с авиацией?
- А что с погодой? Туман и дым закрывают видимость с воздуха.
- Понятно. Долго же летунам ждать хорошей погоды.
- У них своя работа, у нас своя.
- Это и плохо. У нас у всех здесь должна быть одна работа.
- Давай не будем обсуждать то, на что повлиять при всем желании не сможем. Информацию по парламентару принял, передам вышестоящему командованию. Ну а ты... держись, подполковник.
- Что с водой?
- Сегодня вода будет. Доставим, как стемнеет. Ну а завтра... посмотрим.
- Понял! Сообщите в штаб, как отправите водовозки. Мы встретим.
- Обязательно. Конец связи, Аркан!
- Связи конец... Блин, опять духи с улицы орать в мегафон начали. Ну упертые козлы! Отбой, Титан!

Голубятников подошел к окну. Со стороны северо-восточного частного сектора кто-то кричал прежнее и уже порядком надоевшее:

– Русские, сдавайтесь! Война закончилась. Ваши войска в городе уничтожены. Мы гарантируем вам свободный выход из Грозного и Ичкерии. Сдавайтесь – и будете жить. Иначе смерть. Всем!

И в ответ тоже уже привычные короткие автоматные очереди. Время приближалось к полудню.

Глава 2

*Грозный, привокзальная площадь,
3 января, вторник, 11.20.*

Услышав истерические крики с улицы, Голубятников покачал головой:

– Ну, не придурки? У них десятки трупов у объектов, раненые дышат в грязи, а они долдонят одно и то же! Сдавайтесь... Да вот хрен вам по всей бородатой морде!

– Да не обращай ты на них внимания, командир, – улыбнулся Кувшинин. – Их наверняка заставляют орать. Пусть кричат.

Комбат присел на свое рабочее место:

– Так! Если духи и далее будут действовать по прежней, стандартной схеме, то минут через десять вновь проведут гранатометную атаку, а следом – штурм, яростный, кровавый, но бесполезный. Значит, у меня где-то восемь минут на разговор с представителем местного населения, прячущегося в подвале. Давай его, Серега, сюда. И быстрее!

– Минуту!

В 11.22 начальник штаба ввел на КНП седовласого мужчину лет пятидесяти славянской внешности. Вошедший поздоровался:

– Здравствуйте, товарищ подполковник.

– Здравствуйте, – ответил Голубятников. – Называйте меня Святославом Николаевичем.

– Какое странное для нынешнего времени имя – Святослав. Так в старину на Руси князей нарекали...

– У нас с вами пять минут.

– Да, да, конечно. Я – Виктор Ильич Владимирович, бывший учитель одной из средних школ Грозного. Сажу в подвале с женой. Мы жили в доме, что рядом с частным сектором...

Командир батальона вежливо прервал интеллигентного мужчину:

– Мы обязательно еще поговорим с вами, но сейчас, повторяю, у нас всего пять минут. Уже меньше. Боевики должны предпринять очередную попытку штурма, так что прошу как можно короче изложить то, что вы хотели мне сообщить.

– Я, собственно, хотел сказать, что у нас почти закончилась вода. Осталось литра два. А в подвале более сотни мирных жителей, среди них и русские, и украинцы, и чеченцы – старики, дети... Особенно от жажды страдают дети. Нам нужна вода, Святослав Николаевич.

– Я в курсе данной проблемы. Вода будет к вечеру. Как только ее доставят нам, тут же передадут и вам. Вместе с продуктами, которые мы еще в состоянии выделять. Кому-нибудь из жителей медицинская помощь требуется? Больные есть?

– Простуженных достаточно много. В подвале холодно, а прятались, не успев захватить даже необходимые вещи. Спасибо за одеяла, но их... не хватает. Мне неудобно говорить об этом, вы защищаете нас от этих взбесившихся волков, мы же только мешаем вам... Но раз так сложилось, если можете, помогите. Насчет медикаментов я проконсультируюсь с врачом. Среди нас несколько врачей; один профессор, чеченец. Но если сейчас дадите аспирин и препараты от простуды, будем весьма благодарны.

Комбат повернулся к начальнику штаба:

– Сергей Станиславович, прикажи выделить нужные препараты и проводи Ильича Владимировича.

– Есть!

Голубятников взглянул на мужчину:

– Вечером, если все будет нормально, зайду к вам. Тогда и поговорим, Илья Владимирович, и с врачами проконсультируемся, и подумаем, как жить дальше. А сейчас ступайте.

Бывший учитель вышел из комнаты вместе с начальником штаба. Кувшинин скоро вернулся – за несколько секунд до того, как здание КНП и другие занимаемые батальоном дома подверглись второму с утра, более интенсивному гранатометно-огнеметному обстрелу. Вели его боевики с тех же позиций, что не поддавалось логическому объяснению. Не мог полевой командир сепаратистов, тем более если им еще был в недавнем прошлом советский офицер, не знать, что за обстрелом неминуемо последует ответный огневой налет российской артиллерии. Не мог не знать, однако позиций боевики не сменили, что, впрочем, только облегчало положение десантников. Голубятников приказал срочно связать его с командиром батареи САО-2С9.

Капитан Селин ответил незамедлительно:

– Я – Байкал!

– Что происходит у нас, слышишь?

– Так точно! Духи вновь открыли гранатометный огонь.

– Верно! Посему приказываю: подавить позиции духов. Передаю связь твоему корректировщику. Боевики бьют с прежних позиций... Впрочем, разберется. Как понял, Байкал?

– Вас понял, Аркан!

Голубятников передал гарнитуру корректировщику огня самоходной артбатареи, сам же вышел в коридор. Прошел к торцевому окну. Отсюда он мог видеть, как вражеские гранатометчики бьют по дому, занятому 9-й парашютно-десантной ротой, – насколько это позволял дым, затянувший плацдарм. Через минуту по частным секторам, домам северной части ближайшего и прилегающего к нему кварталов, скверу и улицам ударили 120-миллиметровые «Ноны». Разрывы мин отдавались даже на втором этаже трехэтажного здания бывшего Управления вокзалов. Бум, бум, бум... Словно где-то рядом строительная пневмотехника сбивала десятки свай.

Отработав задачу, «Ноны» замолчали; прекратился и гранатометный обстрел. Голубятников вернулся на командный пункт и вместе с докладами ротных о последствиях обстрела зданий получил доклады и о начале второго штурма. Боевики вновь пошли в атаку – все по тем же трем направлениям, – имея главной задачей выбить десантников из жилых домов. Это позволило бы им кардинально изменить обстановку. Но этого им не могли позволить сделать десантники капитанов Телинского и Бореви́ча. В бой вступили и седьмая, и восьмая роты. И вновь грохот пулеметно-автоматных очередей, разрывов гранат заполнил все пространство над районом привокзальной площади.

Вторая атака боевиков длилась по времени столько же, сколько и первая, – час. И вновь дудаевцам не удалось не только сбить десантников с позиций, но и нанести существенный ущерб. Умело рассредоточенные бойцы батальона отразили атаки. В 12.35 наступило затишье, прерываемое криками раненых чеченцев, оставшихся на улицах и площади после отхода основных сил. Командиры рот доложили о выполнении поставленной задачи. Голубятников сообщил об этом в штаб дивизии. Не успел он отойти от связиста, как его вызвал капитан Телинский.

– Я – Аркан! – ответил комбат.

– Вьюга на связи! Перед моим домом на улице много раненых чеченцев. Некоторые пытаются самостоятельно добраться до противоположного здания. Что делать?

– По раненым огня не открывать, – приказал Голубятников. – Уползают – и пусть. Они уже не вояки. Сколько уничтожил духов?

– Точно сказать не могу. Перед домом валяются и те, кого завалили во время первого штурма, и свежие. На глаз – около тридцати рыл.

– Понял тебя. Проведи перегруппировку сил. Смени позиции огневых точек. Твой дом хорошо просматривается с девятиэтажки. Оттуда командование духов наверняка засекло позиции. И в следующий раз они могут стрелять более прицельно. Как понял?

– Понял вас, Аркан!

– Действуй!

– Черт!..

– Что такое?

– К нам снова гость!

– Парламентер?

– Так точно.

– Тот же боец, что приходил ранее?

– Вроде другой, а там черт его знает, из-за дыма лица не разобрать. Но наш пленный в бушлате, шапке, с белым флагом.

– Что-то зачастили ребята... Интересно, что на сей раз непонятно духам? Ты вот что, Миша, проводи его ко мне, как и в прошлый раз, через роту Боревица; сам же проводи перегруппировку, ни на секунду не прекращая наблюдение за местностью. Подходы при необходимости зачищать незамедлительно. Духов к раненым не подпускать.

– Да они и сами не пойдут.

– Прикажи прекратить огонь, прими парламентера.

– Есть!

– У тебя все?

– Так точно.

– Потерь, как понял, нет?

– Один легкораненый.

– Добро. Держись.

– Конец связи!

Голубятников вернул гарнитуру связисту, повернулся к начальнику штаба батальона:

– Серега, свяжись с ротными, уточни обстановку, потери, в том числе и среди боевиков; запроси, сколько в подразделениях осталось боеприпасов. При необходимости организуй их доставку на объекты силами подразделения обеспечения. А я с очередным парламентером поговорю.

– Опять парламентер? – взглянул на комбата Кувшинин.

– Да! И вновь выходит со стороны северо-восточного сектора. Значит, что? Значит, то, что где-то либо в соседнем квартале, либо в ближайшей девятиэтажке у них командный пункт. Не мешало бы узнать, как считаешь?

– Само собой. И накрыть его к чертовой матери огнем артбатарей.

– Точно. Возможно, этот парламентер укажет нам место КНП духов?

Спустя двенадцать минут сержант 9-й роты ввел в помещение командно-наблюдательного пункта парламентера. Этот выглядел лучше первого: такой же грязный, но глаза живые. Ростом повыше, телосложением крупнее.

– Кто ты? – спросил Голубятников.

– Бывший командир отделения мотострелковой бригады сержант Бондаренко Василий, – доложил боец. – Пленен во время боя 31 декабря на привокзальной площади. Отделение сгорело в БМП от попадания в машину кумулятивного заряда гранатомета.

– Как же ты выжил?

– Я находился на броне. Подрывом боекомплекта меня сбросило с машины. Потерял сознание. Очнулся – вокруг чеченцы. Спросили: жить хочешь? Ответил: да, хочу! Приказали встать и следовать во двор, что рядом с площадью. В подвале уже находилось около двадцати наших парней.

- Почему не спрашиваешь, кто я?
- А мне о вас рядовой Иванченко рассказал – это тот, кто приходил в первый раз.
- Понятно! Сколько тебе выделили духи на переговоры со мной?
- Их старший ничего об этом не говорил.
- Да? Ну, тогда раздевайся, присаживайся к столу.
- Закурить дадите, товарищ подполковник?
- Конечно!

Голубятников достал из вещевого мешка пачку сигарет, спички, положил на стол:

– Держи! Дал бы больше, но думаю, и это духи отнимут, как вернешься. А может, ты не собираешься возвращаться?

– Я бы рад остаться, товарищ подполковник, но не могу. Если не вернусь, боевики убьют товарищей.

– Но ведь они могут рано или поздно убить и тебя?

Сержант вздохнул:

– За ними не заржавеет... Но я обещал своим вернуться – значит, вернусь.

– Что ж! Ты прав.

Парламентер присел за стол, жадно выкурил сигарету. Перекусил сухим пайком, но ел неохотно, а вот чаю чуть ли не полчайника выпил. Боевики испытывали такие же трудности с водоснабжением, как и регулярные части Российской армии.

Отставив посуду, прикурив очередную сигарету, парламентер сказал:

– Старший чеченцев удивился, когда Иванченко сообщил, что привокзальную площадь обороняют десантники. Илья рассказывал, даже матерился. Короче, не по кайфу ему, что приходится драться с десантурой.

– Кто он, этот полевой командир?

– Слышал, его Вахой зовут, но это не точно. Сам он о себе говорит лишь то, что раньше командовал ротой в Афганистане; офицер, значит, Советской армии. Жесткий мужик. Боевики боятся его. Лишь с наемниками он не так строг, как со своими.

– Что за наемники?

– Я видел двух хохлов из этой, как ее, националистической организации...

– УНА-УНСО?

– Вроде. У них шевроны на камуфляже.

– Сколько человек в банде?

– Около семидесяти.

– Где находится командный пункт этого бывшего советского офицера?

– Боевики часто меняют позиции. То в одном доме осядут, то в другом. И нас, пленных, за собой таскают.

Голубятников прошелся по комнате. От стола связиста спросил парламентаря:

– Тебя перед тем, как послать, кто инструктировал?

– Да сам этот старший. Сначала меня вывели из подвала и подняли на третий этаж девятиэтажного дома.

Комбат переспросил:

– Девятиэтажки? Какой именно?

– Той, что ближе всех к площади.

– Ясно! Продолжай!

– Старшего не было. Чечены усадили на корточки в прихожей какой-то квартиры.

Потом появился старший.

– Значит, он куда-то отлучался?

– Я думаю, к Дудаеву.

Голубятников удивился:

– К Дудаеву? Почему к Дудаеву?

– Ну, может, к Масхадову. А почему я так думаю – потому, что он по прибытии сразу мне сказал: «Пойдешь на переговоры к десантникам. И передашь их командиру, что Дудаев предупредил: если вы до 15.00 не уберетесь с площади, то он введет в бой танки, которые разнесут все – и вас, и дома, сровняют с землей этот район. В общем, чтобы к темноте русских у вокзала не было».

– Так к темноте или к 15.00?

– Сначала старший сказал к трем часам, потом к темноте.

– Главарь банды не говорил, сколько танков чеченцы намерены бросить на привокзальную площадь?

– А, да, говорил. Десять танков.

– Десять танков, – повторил Святослав. – Рота... Так, ты посиди пока. – Подошел к связисту: – Титана мне!

– Есть!

Павленко ответил тут же:

– Что у тебя, Аркан!

– Еще один парламентар.

– Хм! Что-то зачастили они к тебе. Опять наш пленный?

– Так точно. Сержант. Из той же группы пленных, что и первый.

Голубятников передал Павленко суть требований, выставленных чеченцами. Заместитель командира дивизии, выслушав комбата, приказал:

– Стоять на позициях, держаться! Ни шагу назад без моего личного приказа или распоряжения вышестоящего командования. А Дудаев пусть идет к черту со своими танками. Как понял меня, Аркан?

– Понял, Титан!

Вернувшись к столу, командир батальона присел напротив плененного сержанта-парламентера:

– Значит, так, Василий! Как вернешься к духам, скажешь их старшему, что ультиматум передал, а ответ таков: ему, как бывшему офицеру, и тем более бывшему генералу Дудаеву должно быть прекрасно известно, что принимать решения об отходе я самостоятельно не могу. Мне поставлена боевая задача удерживать плацдарм. И подчиненный мне личный состав будет удерживать его до последнего патрона. А боеприпасов у нас достаточно. Не хватит – пойдем в рукопашку. Что такое десант в рукопашной схватке, им тоже должно быть хорошо известно. Если Дудаев не хочет, чтобы мы перемололи здесь все его банды, пусть связывается с нашими генералами и ведет переговоры с ними. А танки? Что ж, пусть бросают в бой танки. У нас тоже есть чем их встретить. Напомни старшему, что мое предупреждение насчет пленных остается в силе. Тронет пленных – из-под земли достану. И самого, и все его долбаное племя. И вообще, плевать я хотел на их ультиматумы. Не хотят потерь, пусть прекратят атаки. Все! Запомнил?

Сержант, наверное, впервые за последние тяжелые дни улыбнулся:

– Так точно, товарищ подполковник. Слово в слово передам. Представляю, как он взбесится!

– Пусть бесится. А вы держитесь.

– Да мы бы и сами подняли мятеж, если бы не раненые. А их большинство. Некому драться по большому счету!

– Ничего! Все будет правильно. Удачи тебе, сержант!

– Вам удачи, товарищ подполковник! Да, чуть не забыл, Иванченко просил узнать насчет писем.

– Скажи ему, письма сегодня уйдут в Россию.

– Хорошо! Разрешите идти?

– Иди, сержант!

Парламентера вывели из помещения командно-наблюдательного пункта.

– Танки – это серьезно! – протянул начальник штаба.

– В наших условиях очень серьезно, – кивнул Голубятников.

– И БМД из укрытий не выведешь, чтобы ударить по танкам ПТУРами.

– Не выведешь. А вот ПТУРЫ... – Комбат повернулся к связисту: – Ротных на связь!..

Стрела-10 – общий позывной всех подразделений батальона! Я – Аркан!

Командиры парашютно-десантных, разведывательной роты и артиллерийской батареи отозвались поочередно.

– Внимание всем! Боевики готовятся применить против нас танки примерной численностью до танковой роты. В связи с этим приказываю, первое: гранатометчиков со вторыми номерами срочно выставить на двадцати семи позициях, перекрывающих все возможные пути подхода вражеских танков к удерживаемому плацдарму. Второе: в каждой роте снять с БМД по одной пусковой установке противотанковых управляемых ракет, создав расчеты из трех человек. Выставить ПТУРЫ на наиболее танкоопасных направлениях, обеспечив максимальную их маскировку. Приступить к исполнению приказа немедленно, о готовности к отражению танковой атаки доложить мне! Вперед!

Отдав приказ, Голубятников повернулся к начальнику штаба:

– Ступай-ка ты, Сергей Станиславович, в роты и лично проконтролируй подготовку подразделений. Надо быстро разобраться с гранатометчиками, чтобы с ними были помощники, выстрелы... Помоги подобрать позиции, особенно для ПТУРов. Напомни наводчикам, что при пуске с установки ракета проседает на 20 сантиметров. А то поставят установку на стол в комнате дома, не учтя данного фактора, и всадят ракету не в танк, а в стену ниже окна. В общем, контроль над исполнением отданного приказа – на тебе!

– Я все понял. Разрешите идти, командир?

– Давай, Серега! И быстро! Сейчас нам все надо делать максимально быстро. Наверняка – если только, конечно, полевой командир не блефует – танки духов уже готовы к бою и находятся где-то рядом.

Проводив начальника штаба и прикурив сигарету, Голубятников задумался. Хоть и сказал Святослав сержанту-парламентеру, что ему есть чем встретить танки и плевать он хотел на ультиматумы боевиков, на душе было тревожно. А вот чего не было, так это уверенности в том, что его бойцам удастся отбить атаку вражеской танковой роты. Если танки пойдут нахрапом, по всем направлениям, да еще ведя огонь из пушек с ходу, то делов наделают много. Еще хуже, если до атаки встанут на позиции ведения огня, не входя в зону досягаемости РПГ-7, основного противотанкового оружия батальона. А ПТУРЫ, как ни маскируй, духи обнаружат после первых же пусков. Ну, сожгут они четыре машины. И все! Тут же попадут под обстрел оставшихся неповрежденными танков. Да, угроза нависла серьезная. И навстречу танкам расчеты РПГ-7 не вышлешь: кругом боевики. Постреляют ребят в минуты...

Сигналом вызова сработала радиостанция Р-159.

– Товарищ подполковник, вас вызывает командир артиллерийской батареи! – доложил рядовой-связист.

– Да?

– Я вот что подумал: а не подогнать ли мне к вам свои самоходки? У меня же в каждой машине по пять кумулятивных снарядов.

– Идея хорошая, но невыполнимая. Укрыть мне вас нигде. И я не могу рисковать потерей артиллерийской батареи. Так что сиди в парке. Будешь оттуда продолжать поддерживать нас огнем.

– Тогда считаю целесообразным убрать корректировщика с КНП и отправить либо к Вьюге, либо к Рыбаку. Пусть работает самостоятельно.

– Посмотрим!

– Как думаете, когда духи подтянут танки?

– Об этом ты у Дудаева спроси. Попроси связистов выйти на Белый дом и лично Дудаева. Может, ответит?

– Я все понял! Батарея к бою готова.

– До связи!

Рев двигателей подходящих со стороны Дома правительства танков раздался где-то через полчаса. Голубятников произвольно поежился, отдал команду связисту вызвать командиров боевых рот и артбатареи, приказал подготовиться к отражению танковой атаки. Вскоре Стрельцов, исполнявший обязанности командира 8-й парашютно-десантной роты, доложил, что по улице, где находится Департамент государственной безопасности, на запад прошел танк. Спустя некоторое время Т-72 прогрохотал назад, на восток.

– Почему не ударили по нему из ПТУРов? – спросил Голубятников.

– Не разобрали, что это за «коробка», – ответил старший лейтенант. – Может, наши выслали на поддержку танковое подразделение?

– Я бы знал об этом.

– Командир, танк вновь нарисовался, встал прямо напротив здания КНП. Черт! На башне написано «Аллах акбар». Чеченский танк!

– Так рви его!

– Не успеваю, он скрылся за домом.

– Держи улицу. Только по ней духи могут пустить часть танков для уничтожения позиций твоей роты.

– Принял.

Тут же прошли доклады командира 7-й парашютно-десантной и разведывательной рот. Телинский доложил, что один танк встал у здания строящейся гостиницы. Кошеров сообщил, что еще один танк занял позицию между высотным домом и восточным частным сектором. И буквально спустя какие-то секунды танки открыли огонь. Наиболее интенсивному обстрелу подвергся дом, где размещались разведчики. В течение нескольких минут танк практически снес верхний этаж здания.

Ответный пуск ПТУР не принес результатов. Ракета разорвалась, попав в стену гостиницы, – наводчик ошибся на каких-то полметра. А вот бойцы 7-й роты сумели поджечь танк, начавший сближение с объектом. Впрочем, по нему били не только гранатометчики роты Кошерева, но и расчеты 8-й, 9-й и разведывательной рот. Как бы то ни было, один танк из трех удалось подбить, и уже это было неплохо.

Из парка имени Ленина ударили «Ноны». Корректировщик, оставшийся на КНП, откуда мог оценивать всю общую обстановку, передал координаты позиций двух оставшихся танков. Голубятников приказал перенацелить расчет пусковой установки противотанковых управляемых ракет 7-й роты на танк у гостиницы. Т-72, стоявший на перекрестке недалеко от здания Департамента госбезопасности, неожиданно пошел вперед по улице, сближаясь с плацдармом. По нему ударил ПТУР 8-й роты. Мимо. Да, признаться, и попасть в танк было сложно. Разрывы мин артбатареи создали достаточно плотную дымовую завесу, и Т-72, маневрируя, насколько это позволяла ширина улицы, беспрерывно вел огонь из пушки и спаренного с ней пулемета.

Оставалась установка 9-й роты, так как после выстрела расчета 8-й роты пришлось быстро уходить с позиции. И сделали это десантники вовремя. Задержись бойцы на секунды – остались бы на этой позиции навсегда: вражеский танк положил снаряд точно в место, откуда по нему была выпущена ПТУР. Но расчет установки роты капитана Боревица не

видел цели. Танк находился за соседним домом. Не могли ударить по нему и гранатометчики 9-й, разведывательной и 7-й рот. И только стрелки роты старшего лейтенанта Стрельцова продолжали вести бой с танком. Но тот, словно заколдованный, продолжал сближение с позициями 8-й роты и встал на выходе из зоны прикрытия западной пятиэтажки 1-го привокзального квартала. А по разведчикам продолжал вести огонь танк, оставшийся у гостиницы, методично разрушая здание.

Голубятников, оставшийся на КНП, несмотря на реальную угрозу быть уничтоженным выстрелом танка, приказал начальнику штаба и охране покинуть здание, а связисту отойти в коридор. Из командного пункта отошли и находившиеся там ранее подполковник Юрченков, майор Жураев – зам по воспитательной работе полка, майор Корсаров – заместитель по вооружению, майор Холодов – зам по воспитательной работе батальона и особист майор Лифанов. Старшие офицеры рассредоточились на позициях обороны здания. Комбат видел, как бьют по танку гранатометчики Стрельцова. Выстрелы проходили в сантиметрах от башни, взрывались перед танком, ложились в стороне от него, но ни один так и не попал в цель. Голубятников чертыхнулся:

– Да что за твою мать! Ослепли стрелки, что ли?

Такого еще никогда не бывало: столько выстрелов и ни одного попадания! И расстояние до танка метров двести. Он находился в зоне поражения гранатометов РПГ-7 и стоял открыто. И гранатометчики – ребята опытные, на полигоне подобные цели разрывали с первого выстрела. Сейчас же чечены словно невидимую преграду перед своим Т-72 выставили.

Но на самом деле причина неуязвимости чеченского танка была в другом: в ведении массированного огня из пушки и пулеметов. Гранатометчики вынужденно меняли позиции, отходя от здания. А танк все стрелял. Голубятников принял решение, схватил автомат, выбежал из помещения командного пункта и крикнул связисту сержанту Выдрину:

– За мной!

Спустился со второго этажа, выскочил на улицу, перебежал в соседнее двухэтажное здание, где находился командный пункт командира 8-й парашютно-десантной роты. Комбата встретил Стрельцов.

– В чем дело, старший лейтенант? – спросил Голубятников. – Почему вражеский танк, прямой наводкой спокойно расстреливающий твои позиции, до сих пор не уничтожен?

– Да чертовщина какая-то происходит с этой «коробкой», товарищ подполковник, – ответил Стрельцов. – Парни бьют из гранатометов, и все без толку. Хорошо еще, что потерь у нас нет.

– Пока нет! Но они будут, и немалые. Подойдет еще пара «гробов», вот тогда они устроят нам веселую карусель... Гранатомет мне, быстро! И бойца с выстрелами!

– Что, сами пойдете на танк?

– Нет, буду ждать, пока ты прочухаешься.

– Тогда вместо бойца я пойду!

– Не понял приказа?

– Понял!

– Так не стой истуканом! Выполняй!

Стрельцов выбежал из комнаты.

Голубятников взглянул через щель между мешков с песком на улицу. Чеченский Т-72 продолжал стоять на прежней позиции и бить по зданию бывшего Управления вокзалов, круша третий этаж. Стрельцов, вернувшись с гранатометом и солдатом, державшим в руках сумку для выстрелов к РПГ-7, доложил:

– Ваше приказание выполнено, товарищ подполковник.

Комбат посмотрел на солдата:

– Черемисов?

– Так точно!

– Степан?

– Так точно!

Командир батальона знал всех своих подчиненных.

– Пойдем, Степан, жечь танк!

– Я понял!

– Боишься?

– Так точно!

– Хорошо, что правду сказал. Не бойся, прорвемся!

– Так точно, товарищ подполковник!

Голубятников повернулся к ротному:

– Прикрывай нас. Гранатометчикам усилить огонь!

– Где вы будете находиться? – спросил Стрельцов.

– Недалеко, перед зданием, за забором. – Комбат взглянул на солдата: – За мной, десантура!

– Мне тоже с вами? – спросил связист.

– Нет! Оставайся у Стрельцова, я сюда вернусь... если вернусь.

Комбат с помощником выпрыгнули через окно первого этажа к забору, сохранившемуся в ходе танковой атаки, и залегли за дощатой изгородью. Голубятников, автоматом выбив доски, привел в готовность гранатомет. Прицелился. Танк как на ладони. Выстрел! Кумулятивная граната прошла выше башни в каких-то сантиметрах. Одновременно ударил танк. Его снаряд снес крышу двухэтажного здания. Наводчик или командир танка увидел, откуда по танку была пущена граната. Ствол орудия стал опускаться вниз.

– Рвем отсюда, Степа! – крикнул Голубятников. – К зданию КНП. Мухой!

Подполковник и рядовой рванули к соседнему зданию. Танк выстрелил, снес забор. Голубятников упал перед проемом заборчика здания КНП, рядом с ним рухнул Черемисов.

– Гранату, солдат!

В ответ виноватое:

– А нет гранат, товарищ подполковник!

Голубятников повернул к бойцу голову:

– Как это нет?

– Так я и выстрелы, и автомат свой на той позиции оставил...

– Ну не твою мать?! И что прикажешь делать? Из моего автомата поливать броню танка? Пока он нас не зарыл в землю или не размазал по стене?

– Я щас!

– Куда?

Но солдат уже бросился обратно к первой позиции. Из танка по нему ударил пулемет. В ответ по танку открыли огонь гранатометчики Стрельцова. И вновь их заряды легли рядом, но не в цель. Но командир вражеского танка, видимо, понял, что пора уходить. Или подходили к концу снаряды, или надоело играть со смертью. Подобное необъяснимое везение долго продолжаться не могло. Механик-водитель дернул танк метра на два назад. В это время, чуть не навалившись на комбата, рядом с Голубятниковым упал запыхавшийся Черемисов:

– Вот!.. Вот граната, товарищ подполковник!

Комбат быстро зарядил гранатомет, вскинул на плечо РПГ-7, прицелился, нажал на спусковой крючок. И на этот раз заряд попал в танк – прямо под башню! Отползавший назад Т-72 встал. Но обычного разрыва внутри танка не последовало; он не взорвался и даже не загорелся.

Солдат повернулся к комбату, в его взгляде читалось недоумение. Да и у Голубятникова было такое же выражение лица.

– Почему он не взрывается, товарищ подполковник?

– А хрен его знает! Сваливаем!

Офицер и рядовой вскочили, чтобы забежать за здание, но не сделали и трех шагов, как сзади прогремел взрыв. Голубятников остановился, Черемисов врезался ему в спину. Оба обернулись. Танка как такового больше не существовало: гусеницы и катки разбросаны по сторонам, башня сорвана. Голубятников, смахнув с лица неожиданно выступивший пот, сказал:

– Ну, вот и все! Довыеживались, козлы горные! Сделали мы его, Степа, понял?

– Так точно!

– Где мой автомат?

– У вас!

– А твой?

– Вот он, у меня!

– Да? Ну, тогда пулей к Стрельцову, пока под снайперов не попали.

До командного пункта командира 8-й роты добрались без происшествий. Стрельцов, встретив комбата, воскликнул:

– Лихо вы его, товарищ подполковник!

– Лихо, говоришь? А то, что после попадания гранаты под башню танк не взорвался, видел?

– Видел.

– Почему он не взорвался сразу?

– Не знаю! Но рванул же? А сразу, не сразу – какая теперь разница?

– Ладно, проехали... А что-то я канонады от гостиницы не слышу?

В этот момент в комнату вошел связист с радиостанцией:

– Товарищ подполковник, вас вызывает командир разведывательной роты!

– Аркан! – ответил комбат.

– Я – Вьюга! Танк, бивший от гостиницы, ушел с позиции. Судя по удаляющемуся рокоту работы двигателя, пошел к Дому Дудаева.

– И где же их танковая рота?

– Не могу знать!

– Вот и я не знаю. По мордам мы чеченам неплохо дали. Но, думаю, теперь они озвереют еще больше. Готовь новые позиции ПТУРов, снимай с БМД столько установок, сколько потребуется. В следующий раз они под РПГ-7 не полезут, будут долбить с дальних позиций. Только ПТУРами и сможем что-то сделать. Как понял?

– Вас понял, Аркан!

– Отбой!

Голубятников вызвал остальных командиров подразделений:

– Стрела-10, я – Аркан! Доложить обстановку! – Выслушав доклады, передал приказ, отданный командиру разведывательной роты, добавив: – Усилить наблюдение за подходами к плацдарму. Особенно на дальних подступах.

Передав гарнитуру связисту, Голубятников присел на стул, достал пачку сигарет, закурил. Выпустив облако дыма, посмотрел на Стрельцова:

– Ну, что, Юра, держимся?

– А куда ж мы денемся, товарищ подполковник?

– Держимся! И хрен собьют нас отсюда духи.

– Так точно. Не собьют!

Голубятникову неожиданно захотелось поговорить с женой. Услышать любимый голос, ласковые слова. Это, наверное, была ответная реакция организма на пережитое напряжение, усталость. Он затушил в консервной банке окурок, спросил у Стрельцова:

– Тебе задача понятна?

– Так точно!

– А как тихо вдруг стало, заметил?

– Да. Хреновая тишина. Перед бурей!

– Ну, сегодня духи вряд ли высунутся – темнеет. Да и время, чтобы зализать раны, им требуется. Отдых. Сегодня они в атаку больше не пойдут. А вот завтра... Но гадать не надо, завтра будет завтра. Танк на Черемисова запиши. И к награде парня представь. За «коробку» второй орден получит! Я к себе.

Вернувшись на КНП, Голубятников застал там начальника штаба и корректировщика. Связист развернул радиостанцию.

– У нас сейчас какой пароль действует? – спросил комбат у Кувшинина.

– «Семерка», но через двадцать минут сменим на «пятерку». Ты куда-то собрался, командир?

– Да, воздухом свежим подышать. А то душно у нас.

– Какой, к черту, тут свежий воздух? Гарь, дым...

– Ветром снесет.

– Ничего не понимаю!

– Поймешь, Серега! Связывайся с ротными, уточняй обстановку, собирай данные о потерях.

– По духам сейчас это сделать невозможно – ну, кроме двух уничтоженных танков, а у нас потери – четверо раненых.

– Даже так? Что ж, могло быть гораздо больше... – Святослав повернулся к связисту:

– Выдрин, соедини меня с Павленко!.. Титан! Я – Аркан!

– Я – Титан, только сам собирался связаться с тобой. Доложи обстановку.

– Если разрешите, доложу в штабе дивизии.

– Не понял?

– Да дела у меня в парке. Разрешите на час-полтора покинуть место дислокации основных сил батальона.

– Ну, если дела, разрешаю.

– Благодарю! Около 18.30 зайду в штаб.

Переговорив с полковником Павленко, Святослав посмотрел на часы – 17.10.

– Как быстро время пролетело! Да, а что у нас насчет воды?

– Водовозка с охраной готова! – сказал Кувшинин. – Но бой-то только что закончился.

Не спешат тыловики.

– Я потороплю! Напомни, как вернусь, – мне сегодня еще с местными, что в подвале сидят, встретиться надо.

– Напомню.

– И еще: подойдет вода, в подвал литров двести спусти! Старики, дети там... Значит, пароль у нас «пятерка»?

– Да, с 17.00 и до 18.00 «пятерка». А вы что, пешком в парк пойдете?

– Я еще жить хочу. На БТР поеду, но до него через пост пройти надо. Обратно подъеду прямо к дому часов в восемь, если командование не задержит.

Пароль действовал в зоне ответственности батальона и был придуман подполковником Голубятниковым еще во время службы в Афганистане. Определялась любая цифра, в данном случае – «5». И если часовой называл, скажем, цифру «3», то проходящий пост военнотру-

жащий должен был назвать цифру «2», в сумме получалось «5». Пароль и отзыв назывались верно – значит, через пост шел свой.

Голубятников вышел из здания. Жидкий туман вновь опустился на привокзальную площадь; было слякотно, грязно, мерзко. Комбат, подняв ворот камуфлированной утепленной куртки, направился к месту стоянки своей командно-штабной машины. Как Святослав и ожидал, часовой остановил его окриком:

– Стой! «Двойка»!

– Три!

– Проходи.

Часовой принял положение «смирно», заведя командира батальона. В обычных условиях он не должен был вести переговоры с комбатом, да и с кем бы то ни было, без разводящего, начальника караула и его помощника и без передачи поста к охране и обороне другому караульному. Но здесь, на войне, все было гораздо проще и понятней.

– Как служба, Готов? – спросил молодого парня Голубятников.

– Нормально, товарищ подполковник, – ответил часовой.

– Снайперы не достают?

С наступлением темноты возобновился снайперский огонь противника.

– Никак нет! Сюда они не стреляют. Разве какая шальная пуля залетит...

– Вот шальная чаще всего и убивает. Ты будь осторожен. На открытой местности не рисуйся, охраняй вверенный тебе пост из укрытия.

– Я так и делаю, товарищ подполковник!

– Молодец!

– Вопрос разрешите?

– Давай, только быстро.

– Я быстро! Батальон сегодня много людей потерял?

– Нет. И это все! Неси службу бдительно. Юг у нас прикрыт, но и оттуда могут просочиться духи...

В 17.30 БТР подполковника Голубятникова вошел в парк культуры и отдыха имени Ленина и встал у штаба воздушно-десантной дивизии. Комбат тут же прошел к радиорелейной станции. Его встретил начальник радиостанции, представился:

– Капитан Рокотов.

– Подполковник Голубятников.

Капитан посмотрел на подполковника с уважением:

– Так это вы держите привокзальную площадь?

– Мы, а что?

– Слышал, сегодня духи провели танковую атаку?

– Было такое дело.

– Наверное, несладко пришлось? Ваша батарея непрерывно вела огонь...

– Несладко пришлось чеченам – из трех танков мы сожгли два. Третий свалил.

– Не слабо! А у вас ко мне какое-то дело или просто так зашли?

Голубятников присел на стул у пульта:

– Дело, капитан. Мне нужна связь с Рязанским полком, это можно организовать?

– Попробую! Недавно командир с Тулой разговаривал.

Начальник станции колдовал над аппаратурой с минуты, затем протянул трубку Святославу:

– Рязань на проводе!

– Кто на связи? – спросил Голубятников.

– Дежурный по полку капитан Иванов.

– Андрей? Голубятников!

– О! Здравия желаю, товарищ подполковник. Наслышаны о ваших подвигах и о представлении к высоким наградам – тоже. Кое-что Раневич рассказал. О вас в гарнизоне чуть ли не легенды складывают.

– Все это разговоры, Андрюша. Воюем, как положено. Ты мне вот что скажи: можешь узнать, Галина, супруга моя, сейчас в части?

– Днем видел, заходила к командиру полка.

– Зачем, не знаешь?

– Нет. Сейчас попробую узнать... Что передать, если найду или дома застану?

– Поговорить с ней хотел.

– Понял! Сделаю все, что от меня зависит. Вы где-то полчаса обождите, а я тут все узнаю. Если что, с квартирой свяжу.

– Погоди! – Голубятников повернулся к начальнику станции: – Капитан, мы через полчаса вновь связаться с Рязанью сможем?

– Думаю, сможем.

– Думаешь или сможем?

– Должны!

– Хорошо! – И в трубку: – Добро, Андрей, до 18.05! Ты уж постарайся.

Святослав вернул трубку Рокотову:

– Ты начини вызывать Рязань в 17.50. Если требуется разрешение, получим разрешение.

– Э, да ладно, товарищ подполковник! Обойдемся и без разрешений.

– Ну, давай! А я пройду пока к своим артиллеристам. В 18.00 буду здесь.

Командир третьего усиленного батальона 137-го гвардейского парашютно-десантного полка прошел к батарее САО-2С9. Вошел в палатку капитана Селина (поднялся в командно-штабную машину артиллеристов «Реостат»). Там же находился и майор Кулик. Они поднялись из-за столика. Голубятников пожал офицерам руки.

– Не ожидали вас, товарищ подполковник! – сказал Селин.

– Командир должен быть где, капитан?

– Впереди!

– Нет, Саша, командир должен находиться там, где посчитает нужным находиться. Как у вас с боеприпасами?

– Порядок! Боеприпасов хватает.

– Значит, так: где у вас закодированный план плацдарма и прилегающей к нему местности?

– Минуту!

Капитан Селин разложил лист.

– План города, другого так и не получили.

– И этот сойдет. Смотрите, боги войны: танки выходили на позиции вот здесь, здесь и здесь. Те, что пошли на батальон, использовали эту улицу и эту. Третья «коробка», что доставила много хлопот разведчикам, так и оставалась у строящейся гостиницы «Кавказ». Завтра духи наверняка повторят танковую атаку – при условии, естественно, что у них остались для этого силы и Дудаев не отказался от идеи сбить нас с плацдарма. Но это вряд ли – я имею в виду, вряд ли отказался. Впрочем, и танков у них может быть немного, а БТРы или БМП нам не страшны. Но будем исходить из того, что завтра духи повторят танковую атаку. И пойдут они теми же путями. Думаю, что прежнюю позицию займет и ушедший сегодня танк. Нам его не достать; следовательно, с утра вам следует пристрелять район гостиницы.

– Он пристрелян, – ответил Селин. – Но для контроля пару мин туда бросим.

– В дальнейшем бить по тем же секторам, что и сегодня. При необходимости через корректировщика я уточню задачу.

– Ясно!

– Выпить немного после боя тяжелого не желаете, Святослав Николаевич? – спросил майор Кулик.

– Нет! И вам запрещаю. Никакого спиртного. Кстати, откуда водка?

– Спирт! У соседей разжились.

– Вы у меня смотрите тут! Никакого спирта, понятно?

– Конечно! Нет, нет, какие проблемы? Просто иногда расслабиться не мешает...

– Расслабимся! Вот вернемся в Рязань, там и расслабимся.

– Когда это будет? Война нешуточная разгорелась. И потушить пожар будет ой как нелегко.

– Всякий пожар рано ли поздно локализуется и гасится. И мы будем гасить его столько, сколько потребуется.

– И это только Грозный! Часть Грозного...

– Ничего. Духи начали присылать парламентаров, и это говорит о том, что силы у них далеко не безграничны. Уверен, скоро наступит перелом, и от обороны мы перейдем в наступление. Подобный бардак долго продолжаться не может. Вам по задаче все понятно?

– Так точно, товарищ подполковник! – ответил Селин.

– Ну, давайте, я в штаб, потом к себе на площадь.

Глава 3

Голубятников прошел к радиорелейной станции, встретил заместителя командира дивизии по тылу. Тот сказал, что водовозка в сопровождении двух БМД пошла к вокзалу.

– Хорошо! – кивнул Святослав. – Колонну встретит начальник штаба батальона.

Зампотыл скрылся в темноте парка, Святослав поднялся к Рокотову. От входа спросил:

– Ну, что у нас с Рязанью, капитан?

– Есть связь с Рязанью, товарищ подполковник. Вы говорите, а мы с помощником выйдем, покурим на улице.

Капитан и сержант вышли. Голубятников сел за пульт, поднял трубку:

– Алло! Это Голубятников!

– Капитан Иванов, – ответил дежурный по полку. – Ваша супруга рядом со мной. Передаю трубку.

Боевой комбат неожиданно почувствовал волнение. Но вот раздался голос жены, и теплая волна тут же накрыла его:

– Слава, родной, здравствуй!

– Здравствуй, Галя!

– Ну, как ты там?

– Нормально!

– По СМИ черт-те что передают...

– Не обращай внимания. У меня все нормально. Как ты?

– Да что я? Здесь все как всегда. Там тяжело?

Голубятников не стал лгать:

– Да. Но ты же знаешь, мы везде прорвемся.

– Знаю! Как же мне плохо без тебя...

– И я скучаю, хотя на это не так много времени.

– Понимаю. Я с тобой, Слава.

– Об этом мне всегда напоминают твои сережки. Кстати, они не раз спасали меня.

– Береги себя!

– И еще, Галь: твои слова насчет звезды оказались пророческими.

Галина прибыла на Кавказ вместе с мужем, но затем по решению командования все женщины были отправлены домой. Улетела и она, оставив Святославу сережки как талисман, а он отдал ей три звездочки с погон кителя. Четвертая звезда подполковника оторвалась, и тогда Галя как бы в шутку сказала, что четвертой, значит, будет Звезда Героя.

– Серьезно?

– Да! Меня и еще четверых офицеров батальона представили к званию Героя России, а весь остальной личный состав – к ордену Мужества.

– Про ордена я слышала, здесь говорили об этом, а вот Герой... Поздравляю, Слава! Ты заслужил это звание.

– Дадут ли? Если помнишь, меня к Герою еще в Афганистане представляли.

– Это не важно! Главное, чтобы ты вернулся.

– Я вернусь! Обещал ведь – значит, вернусь.

– Слав, письма, что взяла, улетаю, отправила по адресам, раздала здесь в полку, пусть ребята не беспокоятся.

– Хорошо, я передам им это. Дежурный по части сказал, что ты днем к Серебрянникову заходила?

– Заходила. На тебя приказ пришел – о назначении начальником штаба полка в Омск. Спросила у Серебрянникова, как насчет твоего назначения? Тот ответил, что, пока идет

война, никаких перемещений не будет. Но самое интересное, мне начфин шепнул, что командир полка лишил тебя премиальных за прошлый год. Тринадцатой зарплатой.

– Лихо! – усмехнулся Голубятников.

– Вот и я ему высказала: ты в тылу отсиживаешься, а муж на войне. Батальон к наградам представляют, а ты премиальных лишать?

Святослав рассмеялся:

– Высказалась, значит, командиру полка?

– Да.

– Вот, значит, что за шум в штабе был... И как он отреагировал на твои слова?

– Рот открыл и смотрит, глаза выпучив. Ну, я ему еще пару ласковых слов бросила, хлопнула дверью и ушла.

– Теперь жди неприятностей.

– Да нет... У столовой догнал заместитель начальника штаба, сказал, Серебрянников приказал передать: вопрос по тринадцатой зарплате решен. Могу, мол, получить деньги. Я вернулась и получила. В момент ведомость выписали, прежний приказ аннулировали, новый состряпали.

– Оперативно.

– ЗНШ сказал, надо бы мне извиниться перед командиром, я ответила – обойдется. Извинюсь, когда муж вернется.

– Понятно! Представляю, каково было с тобой беседовать Серебрянникову.

– Да и черт с ним!

– Галь, у меня не осталось времени, надо идти к командиру на доклад. Пора закругляться!

– Ты, главное, Слава, береги себя и помни, всегда помни: я люблю тебя и жду! Ты у меня сильный, все выдержишь. Но очень прошу, береги себя!

– Я тебя тоже очень люблю, Галя, если можно любить «очень». Будет возможность, еще позвоню – а нет, напишу письмо. Вот успокоится немного обстановка, и напишу.

– Буду ждать!

– Целую тебя, родная, до свидания!

– До свидания, любимый!

Закончив переговоры, Голубятников взглянул на начальника радиорелейной станции:

– Ну, вот и все, поговорили! А что ты такой грустный вдруг стал, капитан?

– Завидую я вам, товарищ подполковник, – вздохнул тот. – По-хорошему завидую. Дома жена любящая ждет. А у меня?

– Что у тебя? Нет, если не хочешь, не говори.

Рокотов махнул рукой:

– Не получается у меня семейная жизнь. И женились вроде по любви, и дочь родили – ей сейчас 2 года. А все не то. Нет меж нами чего-то главного. Того, что есть у вас.

– Я тебе вот что скажу. Жизнь, она все расставит по местам. Вот я со своей супругой в Афгане познакомился. Казалось бы, обычный походно-полевой роман. Встретились – разбежались. Ан нет. Любовь пришла, настоящая. С тех пор вместе. Она у меня в батальоне служит и сюда со мной прилетала. А когда приказ об отправке всех женщин домой пришел, не хотела улетать. Но приказ есть приказ! Так что и у тебя все устаканится. Ты еще такой молодой!

Начальник станции пожал плечами:

– Может, и устаканится. Спасибо вам, товарищ подполковник.

– Мне-то за что? Это тебе спасибо.

– Не за что. Обращайтесь, если надо будет. Для вас сделаю все возможное.

Комбат вышел из капонира, прошел к бывшему ресторану «Терек», в подвале которого размещался штаб воздушно-десантной дивизии. Ровно в 18.30 он вошел в кабинет комдива и доложил:

– Товарищ генерал-майор, подполковник Голубятников.

Комдив улыбнулся:

– Да вижу, что Голубятников. Проходи, герой, присаживайся. Хочешь курить – кури.

Святослав разделся, присел за стол в углу комнаты:

– Спасибо, накурился до тошноты.

– Ну, тогда рассказывай, как дрались против чеченов.

– Дрались, как положено. Все ранее занятые объекты удержали; атаки, включая танковую, отбили. Из трех «коробок» две сожгли. Потери: один убитый, восемь раненых, один контуженый; семерых отправили в тыл, в том числе взводного 9-й роты старшего лейтенанта Дубчака. Командование взводом принял заместитель по воспитательной работе.

– Замполит? – удивился генерал.

– Так точно, майор Холодов, Александр Васильевич.

– Это ты его отправил в роту?

– Нет. Сам изъявил желание заменить взводного.

– Как же ротный капитан будет командовать взводным майором, по штату одним из заместителей комбата?

– Так же, как и штатным командиром взвода. Ротный и замполит по жизни друзья, между ними полное понимание.

– Да-а-а... Подобное впервые в моей практике. Хотя чему удивляться? Твой батальон сам по себе уникален. Продолжай!

– Двое – раненый и контуженый – остались на позициях.

– Молодцы! День практически непрерывного боя – и один погибший? Это показатель. Как тебе удалось так подготовить личный состав? У других дела идут хуже.

– Могли подготовиться еще лучше, но некоторые военачальники не дали. Ну да что теперь об этом...

Комдив прошелся по кабинету:

– Дудаев взбешен упорством твоего батальона. Недавно один чечен из его ближнего окружения к нам переметнулся; рассказал, как Джохар разнос своим командирам устраивал. Грозил расстрелять, если не собьют десант с привокзальной площади.

– Значит, придется ему расстреливать всех полевых командиров. Мы позиций не оставим!

– У чеченов большие потери?

– Большие. Атакующие силы всегда несут бóльшие, нежели обороняющиеся, потери.

– Да, спесь ты с них сбил. А то после разгрома батальонов мотострелковой бригады чечены возомнили о себе слишком много. Решили, что и дальше будут так же безнаказанно и успешно громить части регулярной армии. Ан нет. Получили по мордам. Но в покое твой батальон не оставят. Разведка докладывает, что в центре города чечены проводят перегруппировку сил. Значит, с утра вновь навалятся на твой батальон.

– Мы готовы к этому, – спокойно ответил Голубятников.

– Что готовы, это хорошо, но силы батальона ограничены...

– Надеюсь, ваши подразделения, что стоят южнее, помогут при необходимости?

– Помочь-то, конечно, помогут. Но у них своя задача. Поэтому я решил усилить батальон.

Святослав посмотрел на генерала:

– Появились резервы?

– Без них никуда. В общем, я придаю тебе неполную роту 21-й десантно-штурмовой бригады. Точнее, два взвода под командованием капитана Уханина. Он ждет у начальника штаба. С ротой вернешься на плацдарм. Усиление, конечно, невесть какое, тридцать три человека, но бойцы обстрелянные, подготовленные.

– Для меня и отделение – усиление... Один вопрос, товарищ генерал-майор. У вас есть разведданные по технике духов? В первую очередь меня интересует наличие у Дудаева танков. Через парламентаря он грозил бросить на батальон 10 «коробок», полноценную танковую роту; в бой же чечены ввели только взвод, три Т-72. И они помотали нам нервы. Каковы реальные силы Дудаева?

– Да ни хрена, кроме данных собственной разведки, о которых я тебе уже говорил, у меня нет. В этом-то и проблема. Мы не можем планировать в полной мере действия подразделений, не зная, с кем и где они столкнутся.

– А что разведка ГРУ?

– Работает. Разведчики не сидят без дела, но пока малоэффективно. Их тоже понять можно: центр забит духами, техника постоянно в движении – идет то на запад, то на восток. Маневрируют чечены.

– Ясно. Что ж, будем, как всегда, действовать по обстановке!

– Придется, Святослав Николаевич. Да, воду к тебе отправили. На ближайшие дни эту проблему сняли, а дальше будем думать. Без воды подразделения не оставим.

– Если бы только войска нуждались в воде... – вздохнул Голубятников. – А то ведь в подвалах полно мирного населения – женщины, старики, дети... У меня на КНП человек сто прячется. И мы для них единственный шанс на спасение.

– Да, тоже проблема... Но ничего, безвыходных положений не бывает. Прорвемся, подполковник.

– Прорвемся! Но до прорыва надо обеспечить население и пищей и водой.

– Обеспечим... Что за война! Чеченцев защищаем от чеченцев. Превратил Дудаев республику в клоаку. А еще независимости требует. Да если дать чеченцам независимость, они же за сферы влияния друг друга перестреляют! Сами себя как нацию уничтожат... А до этого весь Кавказ взорвут. Черт-те что происходит! Но об этом в Кремле должны были раньше думать. А теперь приходится разгребать политическое дерьмо. Но не политикам, а нам, военным. Ладно... что-то я разговорился. У тебя ко мне вопросы есть?

– Никак нет!

– Тогда давай ступай к начальнику штаба, он передаст тебе роту ставропольцев, и двигай с ней на привокзальную площадь. Будет возможность – еще подброшу войск.

– Благодарю!

– Удачи тебе, Голубятников, и до связи!

Голубятников прошел в соседнее помещение. Там находилось человек десять офицеров, прапорщиков, контрактников. Начальник штаба пожал Голубятникову руку, представил молодого капитана:

– Командир 9-й роты 21-й Ставропольской десантно-штурмовой бригады капитан Уханин, Дмитрий Андреевич.

Капитан козырнул.

Полковник указал на Святослава:

– А это – командир уже ставшего легендарным третьего усиленного батальона 137-го гвардейского Рязанского парашютно-десантного полка подполковник Голубятников, Святослав Николаевич. Представлен к званию Героя России.

– Я слышал о подвиге батальона и о комбате слышал, – сказал капитан. – Почту за честь служить вместе.

– Земляк, значит? – улыбнулся Святослав.

Начальник штаба и командир придаваемой роты переглянулись. Уханин спросил:

– В смысле, земляк?

– В прямом, капитан. Ты о селе Татарка Шпаковского района слышал?

– Конечно! Большое село, практически пригород Ставрополя. До города где-то километров пять.

– Верно. Там я родился, рос, учился, пока не поступил в училище.

– Понятно!

– Значит, у тебя два взвода?

– Так точно! И два взводных. Всего тридцать три человека.

– Хорошо! Усиление своевременное. Занятый нами плацдарм постоянно подвергается атакам духов, ты и твои ребята будете весьма кстати. Где размещен личный состав?

– Здесь, рядом со штабом!

– Ну что ж, выдвигаемся к привокзальной площади? – Голубятников повернулся к начальнику штаба дивизии: – У вас ко мне ничего не будет?

– Да нет. Кувшинин сбросил информацию по результатам дневных боев, доложил о запасах боеприпасов. Все вопросы мы с ним решили.

– Добро, тогда мы уходим!

– Счастливо!

На плацдарм подполковник Голубятников вернулся с двумя взводами 9-й роты 21-й десантно-штурмовой бригады. Оставив личный состав во внутреннем дворе, комбат с ротным приданного подразделения поднялся на командно-наблюдательный пункт батальона. Там находились подполковник Юрченков, майор Жураев, майор Кувшинин, заместитель командира по вооружению майор Корсаров и особист полка майор Лифанов. Голубятников представил прибывшего с ним офицера:

– Это капитан Уханин Дмитрий Андреевич, командир приданной батальону роты Ставропольской бригады.

Уханин пожал руки старшим офицерам. Комбат обратился к начальнику штаба майору Кувшинину:

– Сергей Станиславович, в роте Уханина два взвода. Я решил разместить их в здании командно-наблюдательного пункта, а то у нас здесь КНП и оборонять при необходимости практически нечем. У Кошерева людей взять не можем – он и так держит обширный район, и из других рот забрать бойцов тоже нельзя. Свои задачи они выполняют, усиления кардинально не требуют, так что покажи капитану, где разместить личный состав. Необходимо прикрыть все возможные подходы к КНП.

– Есть, командир!

Начальник штаба взглянул на ротного бригады:

– Идем, капитан!

Офицеры вышли. Голубятников даже не предполагал, насколько своевременно и верно он определил место размещения приданной роты. Это выяснилось буквально через несколько часов.

– Может быть, отужинаем, господа офицеры? – предложил Юрченков. – У нас и коньячок разливной под тушенку, и соленья имеются!

Личный состав батальона, находясь на позициях обороны, горячей пищи не получал. Питался сухим пайком и продуктами, а также всевозможными заготовками местного населения, обнаруженными в занятых домах.

– Накрывайте стол! – ответил Голубятников. – Я спущусь в подвал, посмотрю, как наши местные, переговорю с ними и вернусь. Тогда, Глеб Борисович, можно будет и поужинать.

– К местным можно и с утра спуститься, – сказал Юрченков.

– А ты уверен, что с рассветом боевики не втянут нас в бои? И потом, я обещал.

– Ну, раз обещал, то надо идти. Мы приготовим здесь все.

Голубятников прошел в подвал. Время было 21.20. Люди не спали, исключая маленьких детей, которых в подвале было достаточно много. Население с началом активных боевых действий семьями бросало жилища, захватив только самое необходимое, и уходило в подвалы, под защиту российских войск. К нему подошел бывший учитель:

– Добрый вечер, товарищ подполковник! Вот посмотрите, как мы живем, если это можно назвать жизнью.

Люди смотрели на подполковника. Голубятников произнес:

– Благодарите Дудаева за все, что он сделал для своего народа.

В подвале находились люди многих национальностей, в том числе и чеченские семьи.

Бывший учитель согласно кивнул:

– Да! Кто бы мог подумать, что жалкая горстка никчемных политиков, чей смысл жизни заключается только во власти ради денег и денег ради власти, превратит в общем-то неплохую страну в ад.

– Плохо жилось при Дудаеве? – спросил Голубятников.

Из угла ответил пожилой уже мужчина с седой бородой:

– Я чеченец, офицер. Жил недалеко отсюда, в частном секторе, вот, – он указал на изможденную женщину, – с женой. Служил давно. И был у меня в полку друг, Николай Ладырин. Три года в одной казарме провели. Он детдомовский, окончил ПТУ – и в армию. Куда ему было податься после армии? Предложил поехать со мной в Грозный. Поехал. Здесь женился, семьей обзавелся. Было у него двое детей, мальчик и девочка. Поздние дети. Теперь Василию 32 года, Елене 28... было. В 94-м году. Их дом стоял рядом с нашим, дружили семьями. Василий уехал в Россию, куда-то на Север, Лена осталась. Красивая была женщина. Как-то летним теплым вечером на улице появились гвардейцы Дудаева. Кто-то из них, видимо, знал Елену, она работала воспитателем в детском саду. Бандиты – иначе их не назовешь – вошли в дом Николая, вытащили Лену во двор, сорвали с нее одежду. Николай с женой бросились защищать дочь, их расстреляли. Из автоматов. Прямо у меня на глазах. Я, услышав шум, пошел к соседям. Видел, как старший гвардеец стрелял в Николая и Марию. Я закричал: «Что вы делаете, подонки?» Ко мне подошел гвардеец и сказал: «Не кричи, старик. Русским на нашей земле делать нечего. Теперь их дом – твой дом. В Ичкерии будут жить только чеченцы». А во дворе бандиты насильовали Елену. Я ударил гвардейца, он ударил меня. Я потерял сознание. Когда очнулся, гвардейцев не было. У крыльца лежали Николай и Мария, а на топчане – изуродованное тело Елены. Она тоже была мертва. Придя в себя, пошел в отделение милиции, оно было на проспекте. Милиционеры выслушали меня, отправили к дому Николая машину. Увезли трупы – и все! Никакого дела, никакого следствия. Я пошел к начальнику милиции. Он спросил, чем я недоволен: ведь теперь у меня два дома, имущество соседей... И тогда я понял: к власти пришли убийцы, бандиты. Правды больше не добиться, а как жить во лжи? Вот так, командир! Рядом со мной сидит Иса. Он жил в пятиэтажном доме, у него другое мнение насчет всего происходящего.

Поднялся низкорослый чеченец:

– Да, у меня другое мнение. Вы можете выгнать меня отсюда, расстрелять. Сейчас и здесь жизнь человеческая стоит меньше кружки воды, но я скажу. Да, дудаевцы беспредельничали, убивали мирных людей, грабили и захватывали их жилища, увозили детей, девушек насильовали, а юношей заставляли работать, за рабов держали. Да, это было. Но разве ваши летчики не беспредельничали, когда бомбили город? Зная, что в нем осталось почти все мирное население? Почему они сбрасывали бомбы на нас? У меня семья брата погибла от попадания бомбы в дом. У сестры сыну ногу оторвало. И бомбить город ваша авиация начала задолго до того, как в Грозный вошли войска. Что на это ответите, господин подполковник?

– А вам известно, что Дудаев 12 декабря официально объявил России войну?

– Да мало ли что он объявил? И как могли в Кремле всерьез отнестись к подобному заявлению? Я понял бы реакцию Москвы, если войну России объявила бы Грузия или какое-то другое признанное государство. Но Чечня-то входила и входит в состав России. А если бы войну Москве объявил какой-нибудь сошедший с ума губернатор одного из регионов? Самолеты тоже тут же начали бы бомбить областной центр?

– Я не политик, не высокопоставленный кремлевский чиновник, и я не участвовал в принятии решения о ведении боевых действий в Чечне, – ответил Голубятников. – Я офицер Российской армии, офицер ВДВ. И здесь выполняю приказ. Это моя работа. Если вы считаете, что я получаю удовольствие от войны, то заблуждаетесь. И предпочел бы находиться дома, рядом с женой, далеко отсюда. Мне приказали быть здесь – и я здесь. А теперь ответь мне, Иса: как, по-твоему, жили бы вы, чеченцы, признай Москва независимость Ичкерии? После того, как вырезали бы всех иноверцев, славян, захватив их жилища, нажитое добро? Что было бы в Чечне, не войди в республику войска? И почему, если ввод войск ты считаешь беспределом, находишься здесь, а не в отряде боевиков? Или под их защитой. Почему ты здесь, у нас, а не у дудаевцев?

– Мне уйти? – спросил Иса.

– Как хочешь. Мы никого не гоним, но и против воли удерживать не будем.

Из угла донесся женский голос:

– Пусть проваливает, надоел уже своим нытьем.

– Так! – повысил голос Голубятников. – Прекратить подобные разговоры. Повторяю: здесь все равны. И если кто-то намерен уйти, то только по собственному желанию, а не из-за того, что кому-то не нравится его присутствие. Вам надо держаться вместе. Помогать друг другу. Мы же защитим вас от боевиков.

Раздался еще один молодой женский голос:

– А вы не бросите нас? Не уйдете? Ведь если уйдете, нас всех убьют.

Что мог на этот вопрос ответить Голубятников? Сказать, что батальон не уйдет? А если завтра поступит распоряжение отойти от Грозного? На этой войне все возможно. Тогда получится, он обманул тех, кто надеялся на него, нарушил обещание? Ничего не сказать – значит, усилить страх, который и так переполнял этих несчастных. Но отвечать надо, и комбат сказал:

– Могу обещать одно: без приказа вышестоящего командования мы не оставим вокзальную площадь.

– А если вам прикажут уйти?

– Тогда уйдем. Но все, кто пожелает, смогут уйти вместе с нами. Туда, где будет обеспечена ваша безопасность.

– Спасибо, товарищ подполковник!

– Не за что! Извините, у меня не так много времени, пожелания и просьбы передавайте через Викторова, он теперь у вас старший. Мы еще встретимся.

Комбат отвел в коридор бывшего учителя:

– Воду получили?

– Да! Спасибо большое!

– Постарайтесь тратить ее экономно. В первую очередь воду должны получить дети и старики. Вы в состоянии обеспечить порядок среди местных жителей?

– Да! Я разговаривал с мужчинами. Не беспокойтесь, порядок будет обеспечен. А на Ису не обижайтесь. Он неплохой человек, просто пострадал от налета российской авиации. Мы все здесь пострадавшие. Он, Иса, ненавидит боевиков, а сегодня говорили его эмоции.

– Все нормально. Вы поддержите его, чтобы не остался один. И чтобы его не вынудили уйти.

– Конечно!

– Что ж, тогда я пойду. Постараюсь немного отдохнуть. Завтрашний день обещает быть еще более сложным.

– Трудно вам!

– Прорвемся!

Голубятников поднялся на КНП. По пути проверил, как и где разместились приданная батальону рота Ставропольской бригады. В служебном помещении находились начальник штаба Кувшинин, особист Лифанов и связист сержант Сергей Выдрин.

– Как прошла беседа с местными жителями? – спросил особист.

Комбат присел за стол и, закулив, ответил:

– Да, в общем-то, как и ожидал. У каждого своя беда, каждый хочет выговориться, всех интересует, что будет дальше. Но главное, люди боятся, что мы бросим их.

– И что ты на это ответил?

– Сказал, что если вынуждены будем уходить, то всех желающих заберем с собой. А что я еще мог им сказать?

– Если тебе позволят забрать балластом стариков, женщин, детей...

– А кто мне запретит? И потом, Саша, дело здесь зашло слишком далеко, чтобы пойти на попятную. Вывод войск для Москвы будет означать полное поражение. Поражение регулярной армии в войне с какими-то пусть и крупными, но бандформированиями... Тогда не только престиж власти пошатнется. Престиж – ерунда, тут сама власть может кувыркнуться. А вот этого политики в Кремле допустить не могут. И не допустят. Так что война эта затянется на годы. Одним днем не закончится. И еще аукнется нам впоследствии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.